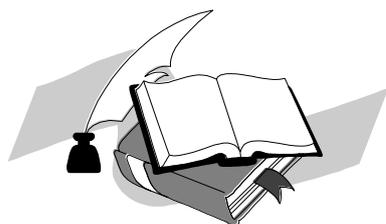

ИБИС

Альманах
№ 38

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и трипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Почётный член кассы взаимопомощи...

Содержание:

	<u>Номер файла:</u>
● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Портрет	05
● Настоящая литература! <i>Анат. Рыбаков, "Прах и пепел" — повесть о временах сталинизма. Глава 22</i>	06
● Депрессии и болезни суставов — <i>В.Гитт, врач</i>	07
● 1001 случай криминала: <i>легко усматривается эзотеричность</i>	08
● "Оккультный мир" (<i>выдержки из книги</i>) — <i>А.Синнет (1881)</i>	09
● Главы из новой книги крупнейшего джазмена России <i>Алексея Козлова «Козёл на саксе»</i>	10
● Теософский словарь	11
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": <i>о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)</i>	12
● "Альтист Данилов" (<i>глава 35</i>)	13
● Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (<i>глава 22</i>)	14
● Стихотворение — <i>Ярослав СМЕЛЯКОВ</i>	15
● <i>Философема</i>	16
● <i>Цитата номера</i>	17
● 3-я страница обложки	18
● 4-я страница обложки	19

"Самого себя как целого можно достичь только если полностью понимаешь, что обычный мир — это просто точка зрения, независимо от того, принадлежит ли она обычному человеку или магу.

*** * ***

После целой жизни борьбы я знаю, что по-настоящему важным является не просто научиться новому описанию мира, но прибыть к нему целым: следует прибыть к нагуалю, не покалечив тоналя, и превыше всего — не покалечив своего тела."

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже даём примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Позвонила Лена.

- Варенька, если можешь, срочно приезжай, как можно быстрее.

- Сейчас приеду...

Варя положила трубку, пошла к Игорю Владимировичу.

- Игорь Владимирович, мне надо отлучиться.

Он недоуменно смотрел на нее. Через час они должны быть в Моссовете, Варя готовила ему материал для доклада и, как всегда в таких случаях, сопровождала его.

- У меня дома неотложное дело, - сказала Варя, - схемы я передам Левочке, все объясню, он с вами поедет. Хорошо?

- Да, пусть в таком случае поедет Лева, - согласился Игорь Владимирович.

Оказалось, Лене и всем жильцам их квартиры вручили предписание в трехдневный срок покинуть Москву. Спросили: "Куда хотите ехать?" Лена назвала Мичуринск, как советовала Варя. "В Мичуринск нельзя". Тогда она назвала Уфу, другой город не пришел на ум. Ей и выписали Уфу, выдали железнодорожный литер. "У меня ребенок". - "Сколько лет?" - "Полтора года". - "Отдельного билета не требуется". И вот послезавтра вечером она должна выехать в Уфу и там явиться в местное управление НКВД. Такие вот дела.

Домработница Маша сегодня увольняется с работы, переходит в Метрострой, там ей дают общежитие. Надо попробовать заверить у нотариуса доверенность на Машу, — мол, я, Будягина Елена Ивановна, доверяю ей узнать, в какой детский дом перевели моего брата. Но оформят ли такую доверенность, неизвестно.

- Хочешь, я поеду в этот детприемник и сама узнаю все о Владлене?

- Варенька, посторонним людям никаких справок не дают. Это у них правило. А Маша, в крайнем случае, покажет свой паспорт, она была прописана у нас и на Грановского, и здесь. Может быть, это поможет.

- Ладно, пусть узнает Маша, - сказала Варя, - но давай присядем на минутку, я хочу с тобой поговорить.

Они сели.

- Хорошо, что Уфа, найдешь там Сашу, он тебе поможет.

- Нет. Сашу я искать не буду, не хочу ставить его в затруднительное положение. К тому же они не случайно дают выбирать город, не такие уж они гуманисты. Я думаю, таким образом хотят выяснить, где у кого есть родственники, и там пойти по новому кругу арестов и ссылок.

- Дело твое. Но Ваню ты не имеешь права брать с собой. Если тебя там посадят, он пропадет, если не посадят, вы пропадете оба.

Лена исподлобья взглянула на нее.

- Что ты предлагаешь?

- Скажи, ты не задумывалась, за кого вышла замуж Нина и куда она уехала?

- Нетрудно догадаться, Варенька. Вышла за Макса и уехала к Максиму.

- Так вот. За бои на озере Хасан Максиму присвоено звание Героя Советского Союза.

- Да? - оживилась Лена. - Я рада за него. Макс был прекрасный парень. Простой, скромный, его Саша очень любил. Слава Богу, хоть он уцелел.

- Я предлагаю, - сказала Варя внушительно, - оставить Ваню мне, а я отвезу его к Нине и Максиму. Они его усыновят, у них он будет в безопасности. Спасем ребенка, ты будешь знать, что он жив, и будешь знать, где он. И если твои обстоятельства изменятся к лучшему, то вы разберетесь. Потребуется, я съезжу за ним и привезу его тебе.

Опустив голову, Лена долго думала, потом спросила:

- А они его возьмут?

- Не сомневайся ни минуты. Я все беру на себя и за все отвечаю. Я уже дала телеграмму, чтобы они прислали мне и ребенку вызов для получения пропуска. У меня на работе очередной отпуск. Побуду с Ваней, пока придет вызов, мне поможет Софья Александровна. Ты только собери его вещи.

Лена по-прежнему сидела, опустив голову. Расстреляли отца и мать, брат в детприемнике НКВД, теперь она расстается с сыном, —

наверно, навсегда, — ее ждет судьба родителей. Пусть будет спасен хотя бы он.

Господи, откуда явилась к ней эта мужественная и самоотверженная девочка? Как сохранилась в этом злобном и кровавом мире?

- Я тебе дам адрес Нины, - сказала Варя, - но не записывай и не пиши туда. Заучи наизусть. Там армия, пострададут они, пострадает и твой сын. Будете переписываться через меня. Мне пиши до востребования. Так спокойней и надежней.

- Договорились, буду писать тебе до востребования.

Она помолчала, грустно улыбаясь, посмотрела на Варю.

- Какая ты хорошая, Варя! Ты хоть сама об этом знаешь?

(продолжение предполагается)

МЕДИЦИНА

*Виталий ГИТТ,
врач*

ДЕПРЕССИИ ГНЕТУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Кассандра. Первый зарегистрированный случай депрессии. Давным-давно, лучезарный бог Апполон влюбился в прекрасную принцессу (папа - царь Трои Приам) и наградил ее даром предвидеть будущее. Но капризная девушка не приняла любви и дар поэтому получил изъян - Кассандра могла видеть и предсказывать лишь неприятные события, и из-за этого постоянно находилась в плохом настроении. Из-за этого предсказательницу не любили и не очень ей доверяли. Ведь большинство людей предпочитают не верить плохому. А напрасно, поверили бы, глядишь, и Троя осталась бы целой, и вся история пошла по другому... С тех пор прошло более 3, 5 тысяч лет. Люди стали жить и лучше и дольше, казалось бы для депрессии нет оснований. Но с каждым годом

число заболевших этим недугом возрастает. Заболевание молодеет, нередко страдают дети. Детская депрессия нередко кончается суицидом.

Ты уймись, уймись тоска...

Начало. Плохое настроение, подавленность, тоска, резкое изменение аппетита и двигательной активности, вялотекущие заболевания непонятной природы. Достаточно чтобы испортить жизнь, но маловато для серьезного лечения, тем более, что периоды обострения и длительной ремиссии чередуются... Это депрессия. Легкая. Причины часто списывают на обстоятельства - семья, работа, тайные желания, материальное положение, отсутствие перспектив. Женщины страдают чаще, но у мужчин заболевание протекает тяжелей. Алкоголь, наркотики, транквилизаторы - обычные средства самолечения помогают временно. Иногда утешение ищут в новых знакомствах, меняют семью, работу, квартиру. С жиру бесится - частое суждение окружающих о заболевшем.

На самом деле все не так просто. Человек страдает, пытается что-то делать, обычно не получается. К специалисту же большинство заболевших на этом этапе не обращаются. Ведь некоторые меры хоть временно, но действуют...

*Вдоль дороги лес густой
с бабами ягами...*

Заболевание прогрессирует и становится хроническим. Приступы тоски усиливаются. Периоды ремиссии сокращаются. Ухудшается память. Обычные обязанности превращаются в тяжелую повинность. Довлеет ощущение никчемности, бессмысленности и ирреальности жизни. Перманентное чувство усталости. Отдых не помогает. Возрастает алкогольная и наркотическая зависимость. Под воздействием подобных «лечебных» средств нередко усиливается асоциальное поведение заболевшего. Больной старается самоизолироваться, рвутся семейные и дружеские узы... Возможны серьезные психические нарушения.

*А в конце дороги той
плаха с топорами...*

Бессмысленность бытия становится полной и очевидной. Впереди ни малейшего просвета. Заболевший ощущает невозможность какого либо положительного решения своих проблем и свою ненужность. Это тяжелейшая стадия заболевания. И близкие, и сами пациенты уже хорошо осознают свои

трудности, но лечение в это время чрезвычайно трудоемко. Единственным выходом для многих становится суицид — ведь жить совсем не хочется. А если не самоубийство - инфаркт, инсульт, онкология, несчастный случай - самые обычные спутники тяжелой депрессии... (Да, это не оговорка, люди в депрессивном состоянии очень легко попадают в разные неприятные истории, инстинкты самосохранения отключаются напрочь). Даже обыкновенный грипп становится смертельно опасным заболеванием, ведь защитные силы организма перестают действовать должным образом.

Отчего и у кого бывает депрессия? Заболеть может каждый. Начиная с детсадовского возраста. Явные причины - резкое ухудшение материального состояния, ссора с близкими, неприятности на работе, неудачи в личной жизни, некоторые недостатки телосложения и осанки - список бесконечен...

Но сами по себе эти и другие причины редко вызывают заболевание. Скорее являются неким спусковым механизмом. Но сработать он может только при некоторых дополнительных условиях в виде ослабленной психики, особой нервной организации, хронических заболеваний.

В частности, заболевания позвоночника и суставов - остеохондрозы, артрозы, артриты характеризуются медленным развитием и часто протекают практически незаметно, тем не

менее иницируя и облегчая развитие депрессии. Некоторые внешние дефекты - сколиоз, кифоз, искривленные ноги через психику также могут стимулировать развитие депрессивных состояний. В практике автора наблюдались случаи, когда лечение позвоночника и суставов попутно избавляло пациента от жестокой депрессии... Странно, но тяжелая физическая работа, плохое материальное положение и острые боли провоцируют депрессию редко. Чаще болеют люди обеспеченные и занимающиеся интеллектуальным трудом. *Особенно часто депрессия встречается среди студентов престижных вузов, бизнесменов, артистов, редакторов, художников и поэтов. Удивительный факт - многие произведения человеческого гения созданы именно под влиянием глубокой депрессии... Конечно, остается право выбора - надеяться создать бессмертные творения и страдать от депрессии — или постараться все же избавиться от неё. Тем более что наличие депрессии вовсе не гарантирует гениальности...*

И наконец практический совет, многократно проверенный на практике и помогающий избавиться от приступа заболевания. Уединитесь. Улягтесь в постель, укройтесь с головой, можно свернуться калачиком. И начинайте себя жалеть. Думайте о своих

несчастьях и неудачах, думайте как можно более интенсивно и настойчиво. Жалейте себя, ведь вы никому не нужны, — ну никому на белом свете. Никто вас не любит, никто не ждет, никто о вас не пожалеет. (Скорей всего это преувеличение) Страдайте, не сопротивляйтесь своим страданиям, погрузитесь в них до самого дна. Некоторым для такого погружения вполне хватает трех минут, некоторым и часа мало. Самое главное — не сопротивляться и погрузиться в страдания как можно глубже. И когда вы очутитесь на этом самом дне, предельно несчастным, бесконечно одиноким, лишенным всяких надежд - попробуйте найти в этом страдании удовольствие. Дела ведь не совсем плохи. Мертвые не страдают! Вы ведь живы. И тогда плюньте на все, глубоко вздохните, потянитесь, широко откройте глаза. И к вам придет понимание. Понимание бессмысленности этого самого страдания. И оно уйдет от вас. Оно же бессмысленное и существует только внутри вас, потому что вы это ему позволяете.

P. S. Надеюсь, читатель не нуждается в комментариях по поводу цитат из песен В. Высоцкого.

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

Ричард Спек. Он родился в Далласе в 1941 году, мать его была разведенной, с 14 лет Спек попал на примету полиции. В конце концов судьба привела его в моряки. На руке он сделал татуировку: "Рожденный задать перцу". Оправдывая надпись, в ночь на 14 июля 1966 г. Ричард Спек постучался в домик на окраине Чикаго, в котором жили 9 студенток медицинского колледжа. Открыла ему филиппинка Амурсо Кораэон.

Спек вынул нож и сказал, не повышая голоса:

- Мисс, я не хочу причинить вам никакого вреда, мне только нужны деньги, чтобы купить билет до Нового Орлеана. Где остальные?

- Они уже спят, - выдавила с трудом филиппинка.

Спек прошел в одну из спальных комнат, затем во вторую и в обеих разбудил спящих. Он собрал девушек в одной комнате, связал их разорванными простынями и спросил, где они держат деньги. Потом он развязал одну студентку и увел ее из комнаты. Филиппинка, подумав, сказала:

- Девочки, надо драться. Мы же можем его одолеть!

Но ее американские подруги струсили.

- Будет хуже. Вот увидишь, все обойдется. Он же сказал, что ему нужны только деньги. Главное, не провоцировать его. Если мы будем держаться спокойно, то и он будет спокоен.

Тем временем моряк вернулся и увел с собой вторую девушку. Филиппинка, даже связанная, ухитрилась закатиться под кровать и лежала там, затаив дыхание. Всех оставшихся ее подруг Спек уводил одну за одной и методично убивал.

Первую, Глорию Дэви, он задушил обрывком простыни. Второй, Сюзанне Фаррис, нанес девять ножевых ранений в грудь, плечи, в шею и лицо. Третью, Патрицию Матушек, задушил. Четвертая, Памела Вилькенинг, получила удар ножом в сердце. Пятой, Мари-Анн Джордан, досталось 5 ножевых ударов. Шестой, Мерлите Гаргулло, садист перерезал горло. Валентина Пасион, седьмая, была задушена и уже мертвая получила 4 ножевых удара. Тем же способом Спек расправился с восьмой жертвой - Ниной Шмеле. Самое поразительное, что никто из девушек не кричал и не звал на помощь!

Когда в пять утра Амурсо Коразон осмелилась выползти из-под кровати и, развязав зубами узлы на руках, а затем узлы на ногах, вошла из спальни комнаты, то увидела чудовищную картину. Ее истерический крик был так пронзителен, что его услышал полицейский Леонард Понни.

- Меня чуть не вырвало, - рассказывает он. - Это было как в кинофильме о нацистском концлагере. Трупы лежали всюду: три - в одной комнате, три - в другой, еще один - в коридоре у ванны. В третьей комнате - восьмой труп. Кровь была всюду - на стенах, на простынях, на полу, на патефонных пластинках, на подушках диванов...

Расправившись с девушками. Спек как ни в чем ни бывало пошел в бар - выпить на те 50 долларов, которые он забрал у студенток. В 1966-м на 50 долларов можно было кутить всю ночь и еще осталось бы на похмелье. За стойкой бара он разговорился с другим матросом. Узнав, что перед ним коллега, Спек вытащил свой нож и похвалился, что купил его у солдата во Вьетнаме и что этот нож уже убил нескольких человек. Себя Спек тоже выдал за вьетнамского ветерана, умолчав о профессии моряка. Когда посетители бара засмеялись над его полупьяной болтовней, Спек вдруг резко протрезвел. Он зашел за стойку и, обхватив бармена сзади за шею, приставил ему к горлу нож.

- Вот как я люблю убивать!

Затем он отпустил струхнувшего бармена и вернулся на место.

- Эй, продай мне нож, - предложил матрос.

- О'кэй, почему бы и нет, - согласился Спек.

Его арестовали через несколько дней, благодаря отпечаткам пальцев, щедро оставленным во всех комнатах коттеджа, где жили студентки. Суд приговорил Спеку к

смертной казни, но благодаря американской системе апелляций исполнение приговора отодвинулось на неопределенный срок.

Дурной пример заразителен. Эта банальная русская пословица, увы, слишком часто доказывает свою правоту. Узнав из газет о бойне, которую устроил Ричард Спек, о подобном "подвиге" стал мечтать 18-летний Роберт Бенджамин Смит из города Меса (штат Аризона).

- Эта мысль, - сказал он во время следствия, - окончательно созрела у меня, когда родители подарили мне пистолет 32-го калибра. Я убил их потому, что мне хотелось, чтобы обо мне узнали. Мне хотелось доказать, что я тоже выдающийся человек.

Свои мечты Роберт Смит реализовал "просто" - пришел с пистолетом в один из классов женского училища "Роз Мари", где готовили специалисток по косметике. Там, ожидая занятия, беспечно болтали курсистки - три девушки, 28-летняя женщина, которая пришла на занятия с двумя дочерьми и сотрудница училища. Смит вытащил револьвер и приказал всем лечь на пол в виде лепестков ромашки - головами к нему, ногами к стенам. Очевидно, этот парень не чуждался эстетики. Одна из женщин, пытаясь напугать его, сказала:

- Сейчас сюда придут сорок человек.

Смит простодушно улыбнулся и проговорил:

- Очень жаль, но у меня не хватит на всех пуль.

Когда присутствующие улеглись на пол, он встал в центре живого цветка и принялся стрелять, целясь в головы. Во дворе услышали шум выстрелов и вызвали полицию. А Смит и не думал убегать. Приехавшим полицейским он протянул руки для наручников и, смеясь, сказал:
- Да, убийца - я. Теперь обо мне узнает вся Америка.

Этот Роберт Смит был жалким учащимся стандартного колледжа, маленьким человечком, стоящим на одной из низших ступенек американского общества. Но среди убийц встречаются порой люди, вхожие в высокие светские круги, преуспевающие в большой политике, являющиеся членами семей богатейших людей. Открыв Книгу Дж.Наша, мы обнаружим фотоснимок, на котором У. Гэси, бывший функционер демократической партии, пожимает руку улыбающейся Розалин Картер - тогдашней первой леди государства, жене президента, прибывшей на съезд партии в Чикаго. А через некоторое время У.Гэси был разоблачен полицией как гангстер и убийца. На его счету оказалось 34 убийства его гомосексуальных партнеров.

А вспомним историю Патриции Херст, дочери известного газетного магната, похищенной левацкой группировкой, а затем добровольно участвовавшей в ее преступлениях! Или молодого оболтуса Марка Шрейдера, убившего в

1978 году своего деда Франклина Брэдшоу, мультимиллионера из штата Юта. А ведь Патриция и Марк не были "людьми с улицы".

Иногда убийцами становятся даже юристы. Однажды в авиакатастрофе погиб адвокат из Вестпорта Генри Френк. Через некоторое время безутешная вдова, прижимая к глазам платок, переступила порог страхового агентства, чтобы предъявить страховой полис. А еще через некоторое время оказалось, что адвокат жив и здоров. В самый последний момент он послал вместо себя в полет своего помощника, дав ему в руки "дипломат", где вместо документов лежала бомба замедленного действия, которая и взорвалась, когда самолет был в воздухе. Чтобы заработать на страховке 887 тысяч долларов. Генри Френк с легким сердцем уничтожил несколько десятков людей. А ведь он был известным адвокатом с хорошей репутацией!

В том, что репутация и внешность обманчивы, убедились и те, кто знал Дина Аллана Коррла и Лоуэлла Ли Эндрюза. Они не были знакомы между собой и жили в разных городах, но оба считались прекрасными людьми, чуть ли не ангелами во плоти. О 33-летнем электрике Дине Коррле из Хьюстона соседи отзывались так:

"Дин был прекрасным соседом, по-настоящему хорошим парнем. Остроумным, смешливым... Он ухаживал за газоном у своего дома и не лез в чужие дела".

"У него всегда были в кармане конфеты, которыми он угощал ребятшек".

"Такой милый, такой вежливый! Всегда хорошо причесан и выбрит, хорошо одет... У него была такая подкупающая улыбка! И как он любил детей! Иногда по вечерам он сажал их на свой мотоцикл и катал. А в своем грузовичке он даже установил сиденья, чтобы возить ребятшек по воскресеньям на пляж".

Оказалось, однако, что этот "милый и вежливый" электрик иногда в одиночку, иногда с помощью двух недоучившихся в школе акселератов — 17-летнего Элмера Уэйна Хенли и 18-летнего Дэвида Оуэна Брукса - убил около 40 подростков. Он заманивал их в свой дом, привязывал к "доске пыток", истязал, а затем убивал. Пропажа подростков в Америке дело обычное, поскольку ежегодно свыше миллиона юношей и девушек по разным причинам бежит из родительских домов. И жертвы Коррла были причислены полицией к этому числу. Кровавые "развлечения" благопристойного садиста кончились неожиданно. Об этом рассказывает его помощник Элмер Хэнли: "На протяжении трех лет я помогал Коррлу в проведении оргий. Мне было поручено выискивать новые жертвы. В моем распоряжении их было больше, чем требовалось. Я знал всех ребят из нашей округи. Стоило подъехать к автостраде — и можно было легко найти парней, которые просили их подвезти. Я обещал им хорошую вечеринку с выпивкой и наркотиками, и они тут же

соглашались... Коррл мне обещал по двести долларов за каждого новичка, которого я приводил, но платил лишь по 10-20 долларов, да и то нерегулярно... В тот вечер (это было в августе 1973 г. - А.Л.) я привел к Коррлу парня лет двадцати и девчонку лет четырнадцать. Коррл страшно разозлился, потому что он не выносил женщин. Но потом он вроде успокоился, и мы все четверо нанюхались наркотиков. Когда я очнулся, я увидел, что парень и девушка уже скованы и лежат на жертвеннике. Но и на мне были наручники. Я сделал вид, что считаю это шуткой, и уговорил Коррла снять с меня наручники. Он освободил меня, но пригрозил, что в следующий раз не пощадит, если мне вздумается снова привести девчонку. Я тут же помог ему отправить на тот свет обоих. Затем, воспользовавшись моментом, когда он отвлекся, я схватил его револьвер и вlepил ему пять пуль в голову...

Хенли явился в полицию с повинной и показал места, где они зарывали тела убитых подростков. Одним из таких мест был пляж в Кальвестоне, на берегу Мексиканского залива, куда добренький Коррл по воскресеньям возил ребятишек купаться и загорать.

Лоуэлла Ли Эндрюза, 17-летнего очкарика, сына богатого фермера, все окружающие, включая родных, тоже считали вежливым тихоней, добродушным набожным увальнем. Эндрюз учился на втором курсе биологического

факультета Канзасского университета и имел репутацию "добрейшего из добряков". Это было жестокой ошибкой. Однажды ноябрьским вечером 1958 года, находясь дома на каникулах, Лоуэлл Ли дочитал до конца роман Достоевского "Братья Карамазовы", аккуратно и не спеша побрился, одел лучший костюм, взял полуавтоматическую винтовку 22-го калибра и револьвер марки "люгер" и спустился в гостиную. Там смотрели телевизор его домочадцы - отец, мать и сестра Дженни Мэри, переживая за героев очередного телесериала. Первым выстрелом из винтовки он убил сестру, следующие три выстрела достались матери и еще два - отцу. Родителей он убил не сразу. Мать еще пыталась подползти к нему, что-то сказать. Тогда Лоуэлл Ли трижды выстрелил в нее. Отца, со стонами уползавшего прочь, он настиг на пороге кухни и выпустил в него 17 пуль из револьвера.

Считается, что целью Лоуэлла Ли было наследство - 200 тысяч долларов, в которые оценивались земли, принадлежавшие его отцу. Но всё же этот мотив представляется хотя и возможным, но второстепенным, ибо Лоуэлл Ли должен был понимать, что подобное убийство нельзя совершить, не оставя следов. Скорее всего, убийство было совершено на психопатической почве.

Эндрюз был арестован, судим и приговорен к смертной казни. Когда к нему в тюрьму приехали дядя и тетя и пообещали похоронить его тело

после казни рядом с телами его родителей и сестры, он чуть не умер со смеху.

Благодаря ряду апелляций, Ли Лоуэлл Эндрюс получил отсрочку от смерти, но все же был повешен 30 ноября 1962 г. Очевидец казни, обитатель камеры смертников, рассказывал о его смерти так:

- Ночь была холодная. Холодная и сырая. Дождь лил как из ведра... Когда Энди повели на "склад" (так заключенные называли место казни. - А.Л.), мы все стояли у своих окон и смотрели... Только что пробило полночь, и "склад" сиял, как елка на рождество. Ворота настезь. Мы могли видеть свидетелей, конвойных, врача, начальника тюрьмы - в общем, всё, кроме самой виселицы. Она была где-то в углу. Правда, видели ее тень. Тень на стене, как тень боксерского ринга. Энди вели четверо конвойных и священник. Когда они дошли до дверей "склада", все остановились. Энди смотрел на виселицу -это просто чувствовалось. Он был в наручниках. Вдруг священник протянул руку и снял с Энди очки. Какой-то у него стал жалкий вид. Энди без очков. Они повели его внутрь, и я подумал: интересно, сумеет ли он без очков подняться по лестнице? Было очень тихо. Только собака лаяла где-то далеко. Верно, в городе. Потом мы услышали этот звук - когда пол проваливается под человеком. Потом стало очень тихо. Только все та же собака лаяла. Старик Энди долго болтался на веревке: никак не хотел умирать.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Х. был вполне готов принять предложение о том, чтобы прямо на месте официально вступить в члены Общества. Но для этого ему должны были вручить определенные документы: официальный диплом, который новые члены получали после того, как им сообщали масонские опознавательные знаки, принятые в Обществе. Но где нам было взять диплом? Разумеется, для собравшихся возникшая трудность была еще одной удачной возможностью испытать способности мадам. Сможет ли она раздобыть диплом при помощи "магии"? После телепатической беседы с одним из Братьев, который интересовался, как у нас идут дела, мадам сообщила нам, что диплом вот-вот будет доставлен. Она описала и его внешний вид: бумажный свиток, обмотанный чрезвычайно длинным шнуром и обернутый листьями ползучего растения. Нам предстояло

найти его в лесу, где мы находились, причем искать свиток мог каждый, но найти его могли лишь человек, которому предназначался диплом, то есть сам Х. Так и случилось. Мы обыскали все вокруг, и деревья, и подлесок, заглядывали всюду, куда подсказывало любопытство, но нашел свиток именно Х., причем диплом выглядел в точности так, как его описала мадам Блаватская.

К тому времени мы уже закончили завтрак. Полковник Олькотт провел формальное "посвящение" Х. в члены Общества. Некоторое время спустя мы передвинули свой бивуак несколько ниже в лес, туда, где стоял маленький тибетский храм, он же - гостиница для путешественников, где, по словам мадам Блаватской, прошлой ночью останавливался Брат, проезжавший через Симлу. Мы развлекались, рассматривая маленькое здание снаружи и изнутри и "купаясь в волнах позитивного магнетизма", как выразилась мадам Блаватская. Потом мы улеглись на траве рядом с храмом, и кому-то из нас пришло в голову, что было бы неплохо еще раз выпить кофе. Слугам отдали соответствующее распоряжение, но оказалось, что у нас кончился запас воды. Вода из рек и ручьев в окрестностях Симлы не годится для подобных целей, и на пикник всегда приходится брать с собою чистую профильтрованную воду. Все бутылки для воды, которые лежали в наших корзинах, были

уже пусты. Слуги подкрепили сообщение об этом наглядной демонстрацией пустых бутылок. Нам оставалось только одно: послать кого-нибудь на пивоваренный завод - самое близкое к нам здание, находившееся всего в одной миле от места нашей стоянки, и попросить воды. Я написал карандашом записку, и один из кули отправился в путь, прихватив с собою пустые бутылки. Время шло, и кули вскоре вернулся, но, к нашему величайшему возмущению, без воды. В тот день на заводе не было ни одного европейца (пикник происходил в воскресенье), отдать записку было некому, а кули оказался настолько глуп, что потащился назад с пустыми бутылками под мышкой, вместо того, чтобы как следует расспросить людей на заводе и найти человека, кто мог бы снабдить его водою.

Тут наша компания слегка поредела: Х. и еще один джентльмен пошли прогуляться. Никто из участников пикника, оставшихся на месте, не ожидал новых феноменов, когда мадам Блаватская внезапно встала, подошла к корзинам, стоявшим в десяти или двадцати ярдах от нас, извлекла оттуда бутылку (полагаю, это была одна из пустых бутылок, которые принес назад кули) и вернулась к нам, пряча ее между складками платья. Когда мадам, смеясь, продемонстрировала нам бутылку, оказалось, что та полна воды. Совсем как фокус иллюзиониста, скажете вы? Да, совсем - если не считать условий, в которых все происходило. Чтобы фокус получился, иллюзионист должен

заранее знать, что ему предстоит делать. В нашем же случае предсказать нехватку воды было столь же невозможно, как и предвидеть, что нам неожиданно понадобятся дополнительные чашка и блюдце. Тот факт, что на пивоваренном заводе не оказалось никого из европейцев, а также то, что кули, посланный за водой, проявил тупость, необычную даже для кули, и вернулся ни с чем только потому, что не нашел ни одного европейца, которому мог бы передать мою записку, - оба эти обстоятельства были чистой случайностью. Между тем без них у нас не возникло бы необходимости добывать воду оккультным способом. Кроме того, оба эти момента стали возможны лишь в результате другой, основополагающей и крайне маловероятной случайности, заключавшейся в том, что слуги отпустили нас на пикник, не снабдив необходимыми припасами. У меня не укладывается в голове, что кто-нибудь из присутствовавших на пикнике мог предположить, будто какая-то бутылка с водой осталась незамеченной на дне корзины; ведь слуг уже выбрали за то, что они не взяли достаточно воды; перед этим они полностью опустошили все корзины, потому что мы не могли смириться со своим положением, пока не убедились, что воды действительно больше нет. Более того: попробовав воду, "сотворенную" мадам Блаватской, я убедился, что она не походит по вкусу на ту, которая выходила из наших собственных фильтров. У

нее был какой-то земляной привкус, не свойственный воде, которую подают в современную Симлу; но вода мадам Блаватской столь же сильно, хотя и по-иному, отличалась от отвратительной грязной воды из единственной реки, которая протекает в том лесу.

Как же появилась эта загадочная вода? В подобных случаях ответ на такой вопрос представляет собою великую тайну, которую я способен раскрыть лишь в самых общих чертах; однако невозможность понять, как адепты манипулируют материей, - это одно, а невозможность отрицать, что они действительно манипулируют ею при помощи метода, который Запад по своему невежеству именует сверхъестественным, - это совсем другое. Это реальный факт, независимо от того, можем мы его объяснить или нет. Грубое народное присловье, гласящее, что "коровью ляжку не оспоришь", несет в себе здравую мысль, которую наши осторожные скептики слишком часто упускают из виду, рассматривая вопросы вроде тех, которыми я сейчас занимаюсь. Нельзя опровергнуть существование факта, просто утверждая, что, по вашему мнению, он должен был бы быть иным, а не таким, каким он является на деле. Еще сложнее будет отмахнуться от множества фактов, приведенных мною здесь, выдвигая с этой целью ряд нелепых и противоречивых гипотез. Наши непреклонные оппоненты частенько не замечают, что скептицизм, который

до определенного момента свидетельствует об остроте ума, становится признаком интеллектуальной ущербности, если цепляться за него перед лицом надежных и несомненных доказательств.

Я помню, как вскоре после изобретения фонографа чиновник по делам науки, состоявший на службе британского правительства в Индии, прислал мне статью, написанную по поводу первых сообщений об этом аппарате. Там он доказывал, что эта новость - не что иное, как мошенничество, поскольку описанное устройство невозможно с научной точки зрения. Рассчитав частоту вибраций, необходимую для воспроизведения звуков, этот господин весьма убедительно доказал, что результат, которого добились изобретатели фонографа, принципиально недостижим. Но когда фонографы в должное время завезли в Индию, этот ученый оставил свои прежние заявления, что подобное невозможно и что в каждом фонографе сидит по человеку, хотя снаружи этого незаметно. Последнее - это позиция самодовольных личностей, которые решают проблему, связанную с происхождением оккультных и духовных феноменов, просто отрицая существование оных, хотя о нем на собственном опыте свидетельствуют тысячи людей и целые полки книг, которых твердолобые скептики не читают.

Здесь я должен добавить, что Х. впоследствии изменил свое мнение насчет того, насколько удовлетворителен был феномен с чашкой и блюдцем. Он заявил, что, по его мнению, версия о канале, прорытом снизу, от реки, по которому могли подбросить эти предметы, обесценивает данное явление в качестве научного доказательства. Я уже обсуждал эту версию, и констатация того факта, что Х. перешел на другую точку зрения, никоим образом не затрагивает изложенных мною обстоятельств. Я упомянул здесь о перемене его мнения лишь для того, чтобы читатели, которые, возможно, слышали или читали где-то в другом месте о феномене, произошедшем в Симле, не подумали, будто я стараюсь скрыть от них, что мнение Х. изменилось. И в самом деле, убежденность в реальном существовании оккультных сил, которую я обрел в конце концов, является совокупным результатом всего накопленного мною опыта, так что я затрудняюсь точно определить, какой именно вклад внес в эту уверенность каждый конкретный феномен, который мне довелось наблюдать.

Вечером того же дня, когда произошел феномен с чашкой, имел место случай, которому суждено было стать предметом необычайно широких дискуссий во всей англоязычной прессе Индии. Я говорю о знаменитом "случае с брошью". Все факты были затем изложены в небольшом заявлении, подготовленном для

публикации и подписанном девятью очевидцами. Я непосредственно ознакомлю читателя с этим заявлением; но комментарии, которых оно удостоилось впоследствии, доказали, что текст его был слишком лаконичным, чтобы дать полное и точное представление о произошедшем. Поэтому я опишу здесь ход событий более подробно. При этом я могу достаточно свободно называть имена участников, потому что все они были приведены в приложении к опубликованному документу.

Мы, то есть моя супруга, я сам и наши гости, поднялись на холм, чтобы пообедать с мистером и миссис Хьюм, которые нас пригласили. Нас было одиннадцать человек; мы разместились за круглым столом, причем мадам Блаватская, сидевшая рядом с хозяином, была усталой, подавленной и необыкновенно молчаливой. В начале обеда она не произнесла почти ни единого слова, и мистер Хьюм беседовал в основном с леди, которая сидела по другую руку от него. В Индии принято во время обеда ставить на стол перед каждым гостем особый металлический нагреватель, наполненный горячей водой. Поданная тарелка с кушаньем находится на нем, пока ее не унесут. В тот вечер мы тоже пользовались этими приспособлениями, и между переменах блюд мадам Блаватская с отсутствующим видом грела над своим нагревателем руки. Прежде мы замечали, что постукивания и звон незримого

колокольчика получают у мадам Блаватской легче, а производимый ими эффект бывает лучше, если она предварительно согреет руки подобным образом; поэтому кто-то из присутствующих, видя, как она это делает, задал ей какой-то вопрос, косвенно намекающий на оккультные феномены. В тот вечер я не ожидал никаких оккультных явлений, да и мадам Блаватская была в равной степени далека от намерения совершать их и совсем не ждала, что их осуществит кто-либо из Братьев. Поэтому когда ее спросили, почему она согревает руки, она в шутку велела нам самим согреть руки и посмотреть, что из этого получится. Перебрасываясь шутливыми фразами, некоторые из присутствующих действительно так и сделали. После этого миссис Хьюм всех рассмешила, вытянув свои руки со словами: "Ну вот, я их согрела, а что теперь?" Как я уже говорил, мадам Блаватская была совсем не настроена на оккультные подвиги; но, как мне удалось выяснить впоследствии, в тот самый момент или чуть раньше она при помощи неведомых большинству человечества оккультных способностей ощутила, что в комнате "в астральном теле", невидимо для всех остальных, присутствует один из Братьев. Дальше мадам Блаватская действовала, следуя его указаниям; разумеется, в это время никто из нас не подозревал, что она получает какой-то импульс извне.

Внешне дальнейшие события выглядели следующим образом: когда миссис Хьюм произнесла приведенную мною фразу и все рассмеялись в ответ, мадам Блаватская через соседа дотянулась до миссис Хьюм и, взяв ее за руку, спросила: "Ну что ж, может быть, у вас есть какое-то особое желание?" - или, как говорят юристы, "имеете ли вы что сказать по этому поводу?" Я не могу точно повторить произнесенные тогда фразы и воспроизвести то, что ответила миссис Хьюм в первый момент, пока до конца не оценила ситуацию; но все прояснилось буквально за несколько минут. Некоторые из гостей, которые первыми разобрались в том, что происходит, стали ей объяснять: "Подумайте о чем-нибудь, что вам хотелось бы получить; это может быть все, что угодно, в том числе любая вещь, которую вы стремитесь приобрести по чисто житейским соображениям. Может быть, есть какой-то предмет, который, как вам кажется, очень трудно достать?" Только такие предложения и раздавались в короткий промежуток времени, который прошел между сообщением миссис Хьюм о том, что она отогрела руки, и моментом, когда она назвала избранный ею предмет. Она сказала, что поняла, какая вещь ей нужна. И что же это было? Старая брошь, которую ей когда-то давно подарила мать и которую миссис Хьюм потеряла.

Разумеется, когда речь впоследствии заходила о броши, которую, как выяснится из

заключительной части этой истории, в итоге удалось вернуть оккультными средствами, то люди говорили: "Ну конечно, мадам Блаватская нарочно подвела разговор к той конкретной вещи, которую заранее приготовилась сотворить". Но я описал все, что говорилось за столом на тему предстоящего феномена, прежде чем миссис Хьюм упомянула про брошь. Перед этим речь не шла не только о самой броши, но и вообще ни о чем похожем.. Еще пять минут назад никто из присутствующих, разумеется, и понятия не имел о том, что им предстоит стать свидетелями феномена, связанного с возвращением пропавшей вещи или чего-то в этом духе. А когда миссис Хьюм задумалась над тем, что бы ей попросить, она ни словом не обмолвилась о том, в каком направлении устремились ее мысли.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ
(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а

затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

*** * ***

Глава 7. Кафе "Молодежное"

Открытие кафе состоялось в середине октября 1961 года накануне очередного съезда КПСС и, очевидно, было к нему приурочено. Главным признаком этого было то, что во время протекания съезда в кафе привозились различные гости - представители дружественных компартий, а однажды неожиданно, уже в ходе начавшегося вечера нам сообщили, что сюда едет делегация компартии Кубы во главе с братом Фиделя Кастро - Раулем. В то время, вскоре после революции на Кубе, эта маленькая страна играла очень важную роль в политических интригах СССР на международной арене, что чуть было не привело к ядерной войне в момент Карибского кризиса. Поэтому с кубинцами носились тогда, как с писаной торбой. И вот, когда в кафе начались срочные приготовления к встрече кубинцев, к сцене, где настраивался наш квинтет, подбежал один из секретарей МГК ВЛКСМ и взволнованно, тоном, не терпящим возражений, сказал, что делегация уже подъехала и что мы, как только они войдут в зал, должны будем сыграть "Марш 26 июля", то есть как бы гимн Кубы. Как можно без труда догадаться, для нас, людей чуждых всякому официозу и обозленных на всю эту фальшиво-помпезную действительность, слова "26 июля" или "31 марта" звучали одинаково бессмысленно. Я вдруг понял, что если мы не сыграем этот гимн, то этот вечер станет

последним для нас в этом кафе. Мы стали переглядываться, выясняя, знает ли кто-нибудь, что это за мелодия и какие там аккорды и бас, но тут вдруг народ, сидевший за столиками встал и начал приветствовать кубинцев, идущих прямо на нас, к сцене. Я понял, что это провал, что мы не оправдали доверие, не продемонстрировали умение джазменов играть все и с ходу. Но тут пришедший в этот вечер поиграть с нами Костя Бахолдин хватает свой тромбон, говорит барабанщику Толе Кащееву "играй марш", и начинает играть этот гимн. Впечатление было потрясающее, кубинцы были в восторге, горкомовцы тоже. Я только тогда сообразил, что для марша достаточно и такого минимума инструментов, как тромбон с барабаном. Наша репутация в глазах комсомольского начальства значительно укрепилась и это заметно выручало нас впоследствии в некоторых сложных ситуациях.

Кубинские партделегаты, включая самого Рауля Кастро, оказались вблизи на вид совсем молодыми людьми в непохожей на нашу военной форме, очень раскованными и темпераментными. Они всю пили и все время рвались танцевать, тем более, что мы играли тогда довольно много латиноамериканской музыки - самбы и боса-новы. Для того, чтобы как-то размочить их мужское общество, наши спецсотрудники в штатском, сопровождавшие делегацию, прибегли к вынужденной мере. Они стали подходить к столикам, где, как правило,

сидели по две пары, и сказав что-то молодым людям, уводили девушек за стол к кубинцам. Мы с изумлением наблюдали со сцены за этими эпизодами, такими нетипичными для советской морали, особенно в тот наивный период. Кубинцы, прошедшие к тому времени без женской ласки минимум неделю, заметно возбуждись при появлении в их обществе молодых русских девушек. К концу вечера, разгоряченные вином и танцами, они уже пытались обнимать их, идя на сближение. Девушки были в двусмысленном положении, не зная, как себя вести (уровень-то правительственный!..), а их кавалеры, просидевшие остаток вечера за своими столиками в одиночку, ничего не могли поделать — им запрещено было даже выразить негодование. Когда программа подошла к концу, мы быстро собрали инструменты и вышли на улицу, чтобы посмотреть, чем все это кончится. А кончилось очень просто. Перед входом в кафе стояли "Чайки", поодаль стояли бездоленные кавалеры, а из двери стали выходить кубинцы, многие из которых не отпускали от себя своих новых знакомых девиц. В момент, когда все подошли к распахнутым дверям автомобилей, охранники очень лихо и ненавязчиво отсекали русских девушек от кубинских "ухажеров", усадив последних по машинам. Двери быстро захлопнулись и машины моментально уехали. Девушки воссоединились со своими парнями, советская мораль восторжествовала, показуха

сработала. Мы как зачарованные наблюдали за всем этим, и меня, если честно признаться, тогда такой исход как-то больше устроил, хотя и было немного жаль наивных кубинцев, если представить себе постигшее их разочарование, не говоря уже о некоторых проблемах физиологического порядка.

(...)

Одной из самых болезненных проблем для меня как для исполнителя было недопонимание джаза нашей публикой, его неадекватная оценка как вида искусства. Я всегда терял чувство юмора, наблюдая попытки советских людей обязательно танцевать под джаз или любую другую музыку, если она звучит в помещении, где есть пространство, хоть чем-то напоминающее танцплощадку, особенно если это происходит в кафе, где есть столики. С самого начала работы в "Молодежном" мы столкнулись с этим, и мне пришлось начать решительно бороться с устоявшимися обывательскими привычками масс. Как только мы начинали первое отделение, — обычно наиболее сложными пьесами, явно концертного характера, — из-за столика поднималась какая-нибудь пара и начинала топтаться перед нами, совершенно вяло и невпопад. Через некоторое время к ней присоединялись другие и возникала в каком-то смысле сюрреалистическая картина: на сцене происходит нечто совершенно новое,

для тех времен авангардистское, а рядом - бессмысленное топтание в традициях обычного советского ресторана. Играть в такой ситуации было неприятно, и я думаю, что определенной части публики, пришедшей послушать современный джаз, все это также не нравилось. Самое неожиданное для меня происходило, когда народ пытался танцевать даже в перерыве между нашими отделениями, когда мы специально просили ставить через трансляцию спокойную классическую музыку. К счастью, у меня тогда была возможность как-то контролировать ситуацию, используя для этого простое средство, очень распространенное в те времена - комсомольских дружинников. В активе каждого члена Совета кафе каждый вечер их было несколько человек, в их функцию входило следить за порядком, главным образом на входных дверях. Но я попросил выделить мне двоих дружинников для своих целей. Если во время исполнения нами концертных пьес кто-то выходил танцевать, и не дай Бог, подходил к оркестру и заказывал сыграть что-то (а бывало и такое), то дружинники подходили и тихо объясняли, что надо сесть на место и слушать, а то могут и попросить покинуть кафе. Так постепенно мы приучили посетителей "Молодежного" вести себя адекватно, причем силовыми методами. Ничего не поделаешь - "культура - в массы". Так началось мое сознательное "культуртрегерство", построенное на убеждении, что народ можно как-то

воспитать, повысить его "культурный уровень". Мне понадобилось не одно десятилетие для того, чтобы избавиться от этого чисто советского заблуждения.

Послеперестроечная действительность, лишенная всякого воспитательного нажима на массы, показала истинный культурный уровень и музыкальные вкусы народа. Оказалось, что ничего, кроме детективов, сериалов, примитивного диско или полублатной кабацкой песни подавляющему большинству просто не нужно, - вот и вся цена бывшего советского культуртрегерства.

Чтобы не сложилось впечатление, что я слишком жестко и придирчиво оцениваю такую ситуацию с танцами, могу оправдаться тем, что сам неоднозначно отношусь к желанию так называемых "простых" (в данном случае - неподготовленных в общекультурном смысле) людей танцевать при малейшей возможности. Здесь скорее проявляется особая национальная российская черта, идущая от темперамента, открытости и общительности, с одной стороны. Но с другой - у нашей публики в общественных местах часто проявляется желание почувствовать себя этакими барами, заказать музыку, с пафосом дать на чай официанту, швейцару, лакею. Известно, что в западных странах тоже даются чаевые в ресторанах и даже иногда заказывается музыка (хотя это там не принято). Но все это происходит с совсем другим отношением к тем, кому дают, а самое

главное - в других формах. Деньги никогда не суют музыкантам в руки, обычно в сторонке ставится большой бокал, куда посетители кладут их в случае, если им понравились исполнители. А чаевые официантам входят в сумму, указанную в чеке при расчете. Там традиционно одинаково уважается любая профессия, а проявление барства и высокомерия считается дурным тоном. В России, как в стране исторически отсталой от Европы во многих отношениях, сохранилось до сих пор снисходительное отношение к музыкантам (независимо от жанра), да и вообще к артистам, со стороны людей, обладающих либо властью, либо большими деньгами. Такое отношение наблюдалось в Европе в далеком прошлом.

(...)

В сознании многих обывателей, не знакомых со всем наследием джаза, а главное, не способных, ввиду отсутствия чувства драйва, воспринимать джазовую энергетику, этот жанр так и остался развлекательным, прикладным. Несколько лет работы в "Молодежном" очень много дали мне как музыканту, исполнителю, аранжировщику и лидеру-организатору. У нас была возможность постоянно играть свой репертуар, отрабатывая его, но главное - мы могли стабильно репетировать. Не помногу, в

перерывах между дневным и вечерним временем работы кафе, но зато хоть каждый день. А наша ритм-секция - контрабасист Андрей Егоров и барабанщик Валерий Буланов - довольно часто собирались еще и днем, и играли часами вдвоем в подвале, в подсобках кафе, добиваясь полнейшего ритмического взаимопонимания, дающего идеальное совпадение во времени всех извлекаемых звуков. В результате им удалось получить тот труднообъяснимый эффект, который называют словом "драйв", и который встречается отнюдь не так часто, как хотелось бы. По отдельности басист и барабанщик могут иметь прекрасную технику и чувство ритма, но это не значит, что сойдясь вместе, они заиграют с драйвом.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* *Продолжение. Начало в № 5.*

ВИНАТА (Санскр.) Дочь Дакши и жена Кашияпы (одного из "семи ораторов" мира). Она принесла яйцо, из которого родился Гаруда-провидец.

ВИПРАЧИТТИ (Санскр.) Владыка данавов - великанов, которые вели войну с богами: Титанов Индии.

ВИРАБХАДРА (Санскр.) Тысячеглавое и тысячерукое чудовище, "рожденное из дыхания" Шивы Рудры, символ, имеющий отношение к "потом-рожденным", второй расе человечества ("Тайная Доктрина", II, 231).

ВИРАДЖ (Санскр.) Индусский Логос в "Пуранах"; мужской Ману, сотворенный в женской половине тела Браммы (Вак) этим богом. Ману говорит: "Разделив тело свое пополам, владыка (Брама) стал в одной части мужчиной, а в другой - женщиной; и в ней он сотворил Вирадждж". Согласно "Риг-Веде", Вирадждж происходит от Пуруши, а Пуруша - от Вирадждж. Последний есть прообраз всех мужских существ, а Вак, Шатарупа (имеющая сто форм) - прообраз всех женских форм.

ВИШНУ (Санскр.) Вторая ипостась индусской Тримурти (троицы), состоящая из Браммы, Вишну и Шивы. От корня виш, "всепроникать". В "Риг-Веде" Вишну не является высоким богом, но просто проявлением солнечной энергии, и описан как "пересекающий тремя шагами семь областей Вселенной, и укутывающий все пылью (своих лучей)". Какими бы ни были шесть других оккультных значений этого утверждения, это относится к тому же классу символов, как и семь и десять Сефиротов, как семь и три отверстий совершенного Адама Кадмона, как семь "принципов" и высшая триада в человеке и т.д., и т.д. Позднее этот мистический символ становится великим богом, хранителем и восстановителем, "имеющим тысячу имен - Сахасранама".

ВИШВАКАРМАН (Санскр.) "Всесоздающий". Ведийское божество, олицетворение творящей Силы, описан как Единый "всевидящий бог... породитель, распорядитель, который... находится вне пределов понимания (непосвященных) смертных". В двух гимнах "Риг-Веды", посвященных специально ему, говорится, что он "принес себя в жертву самому себе". Имена его матери, "прекрасной и добродетельной Йога-Сиддха" ("Пураны"), и его дочери Санджны (духовное сознание), показывают его мистический характер. (См. "Тайная Доктрина", индекс.) Как ремесленник богов и их оружейник, он назван Кару, "рабочий", Такшака, "плотник" или "дрвосек" и т.д., и т.д.

ВИШВАТРИАРЧАС (Санскр.) Четвертый солнечный (мистический) луч из семи. (См. "Тайная Доктрина", I, с. 642, прим.)

ВИВАСВАТ (Санскр.) "Яркий", Солнце.

ВИВАН (Санскр.) Некий вид "летательного аппарата", подобный воздушному шару, упомянутый, но не описанный в древнесанскритских работах; по-видимому, он был известен и им пользовались атланты и древние арии.

ВОЛУСПА (Сканд.) Поэма под названием "Песнь Пророчицы", или "Песнь Уалы".

ВУДУИЗМ или Вуду. Система африканского колдовства; секта черных магов, которой весьма преданы негры Нового Орлеана. Процветает также на Кубе и в Южной Америке.

ВУРДАЛАК (Слав.) Вампир; труп, оживленный своими низшими принципами и сохраняющий нечто вроде полу-жизни в себе, выходя по ночам из могилы, зачаровывая своих живых жертв и высасывая их кровь. Румыны, молдаване, сербы и все славянские народности, живущие на Балканах, а также чехи (богемийцы), моравы и другие, твердо верят в существование подобных призраков и соответственно боятся их.

ВОТАН (Мекс.) Обожествленный герой мексиканцев, и, вероятно, то же, что Кецал-коатл; "сын змиев", допущенный "к норе змия", что означает Адепта, допущенного к Посвящению в сокровенном покое Храма. Миссионер Брассер де Бурбур стремится доказать, что он потомок Хама, проклятого сына Ноя. (См. "Раз. Изида", I, 627 и дальше.)

ВРАТА (Санскр.) Закон или сила богов.

ВРАТАНИ (Санскр.) "Действующие законы" Варуны, законы природного действия. (См. гимны "Риг-Веды", X, 90-I.)

ВРИДДХА ГАРГА (Санскр.) От Вриддха, "старый", и Гарга, древний мудрец, один из древнейших писателей по астрономии.

ВРИДДХА МАНАВА (Санскр.) Законы Ману.

ВРИТРА (Санскр.) Демон засухи в "Ведах", великий противник Индры, с которым он постоянно воюет. Аллегория космического феномена.

ВРИТРА-ХАН (Санскр.) Эпитет или титул Индры, означающий "победитель Вритры".

ВЬЯХРИТИ (Санскр.) Букв., "огненные", слова, зажженные огнем и рожденные им. Три мистических, творящих слова, которые, согласно Ману, Праджапати "выдоили" из "Вед": бхур - из "Рид-Веды"; бхувах - из "Яджур-Веды"; и Свар - из "Сама Веды" ("Ману", II, 76). Говорится, что все три обладают творящей силой. "Шатапатха Брахмана" поясняет, что они суть "три светящиеся сущности", которые Праджапати ("владыки творения", прародители) извлекли из "Вед" с помощью тепла. "Он (Брама) молвил слово бхур, и оно стало землей; бхувах, и оно стало небосводом; и свар, которое стало небом." Махар есть четвертая "светящаяся сущность", и была взята из "Атхарва-Веды". Но так как это слово чисто мантрическое и магическое, то оно, так сказать, остается в стороне.

ВЬЯСА (Санскр.) Букв., тот, кто излагает или развивает, толкователь или, вернее, открывающий; ибо то, что он объясняет, толкует и развивает, является тайной для профана. Этот термин в древности относился к высшим Гуру в Индии. В Арьяварте было много Вьяс; один из них был собирателем и компилятором "Вед"; другой, автор "Махабхараты" - двадцать восьмым Вьясой или раскрывателем в порядке последовательности, - и последний известный Вьяса был автором Уттара Мимансы, шестой школы или системы индийской философии. Он также был основателем системы Веданта. Востоковеды (см. Эльфинстон, Коуэлл и т.д.) относят его к 1400 г. до Р.Х. но эта дата, конечно же, слишком современная. В "Пуранах" упомянуты двадцать восемь Вьяс, которые в различные века сходили на землю для распространения ведийских истин - но их было намного больше.

В

В (W) - 23-я буква. Не имеет эквивалента в еврейском языке. В Западном Оккультизме некоторые считают ее символом небесной воды, тогда как М символизирует земную воду.

УАЛА (Сканд.) Пророчица в песнях "Эдды" (древнескандинавской мифологии). С помощью заклинаний Одина она была вызвана из могилы и предрекла смерть Балдуру.

ВАЛГАЛЛА (Сканд.) Разновидность рая (Дэвачана) для павших воинов, называемая древними скандинавами "залом благословенных героев"; она имеет пятьсот дверей.

ВАЛИ (Сканд.) Сын Одина, который отмщает за смерть Балдура, "возлюбленного".

ВАЛЬКИРИИ (Сканд.) Их называют - "выбирающие умерших". В народной поэзии скандинавов эти богини освящают павших героев поцелуем, и взяв их с поля боя, переносят в покои блаженства и к богам в Валгаллу.

ВАНЫ (Сканд.) Очень древняя раса богов, которой поклонялись древние скандинавы у истоков времен, а потом тевтонские племена.

ВАРА (Сканд.) Одна из служанок северной Фрейи; "мудрая Вара", которая следит за желаниями каждого человеческого сердца, и мстит за каждое вероломство.

ВОДА Первый принцип вещей, согласно Фалесу и другим древним философам. Конечно, это не вода на материальном плане, но образно обозначает потенциальный флюид, содержащийся в беспредельном пространстве. В Египте это символизировалось Нефом, "нераскрытым" богом, который изображался в виде змия - символа вечности - обвившегося вокруг урны с водой, его голова - над водами, которые он оживляет своим дыханием. "И Дух Божий витал над ликом вод" ("Бытие", I). Медьяная роса, пища богов и творящих пчел на Иггдрасиле, выпадает за ночь на древо жизни из "божественных вод, места рождения богов". Алхимики заявляют, что когда до-адамическая земля разложена Алкахэстом до своей первичной субстанции, то она похожа на чистую воду. Алкахэст есть "единый и невидимый, вода, первый принцип, во втором превращении".

ВЕ (Сканд.) Один из трех богов - Одина, Вили и Ве - которые убивают великана Имира (хаотичную силу) и из его тела, предвечной субстанции, сотворяют мир.

ВЕРДАНДИ (Сканд.) См. "Норны", три сестры-богини, которые представляют собой Прошое, Настоящее и Будущее. Верданди представляет вечно-сущее время.

КНУТ ОЗИРИСА Плеть, символизирующая Озириса как "судью умерших". В папирусе она названа нехех или бичем. Д-р Причард видит в нем веялку или ван, инструмент для отвеивания. Озирис, "который держит в руке свою веялку и очищает Аменти от грешных сердец, подобно тому, как отвеиватель подметает упавшие на пол зерна и запирает доброкачественную пшеницу в житницу". (Сравните "От Матфея", III, 12.)

БЕЛЫЙ ОГОНЬ (Кабб.) "Зохар", говоря о "Великом Лике" и "Малом Лике", символах Макрокосма и Микрокосма, говорит о сокровенном Белом Огне, изучающемся из них днем и ночью, и все же никогда не видимом. Это отвечает жизненной силе (за пределами светоносного эфира), и электричеству на высших и низших планах. Но мистический "Белый Огонь" есть имя, данное Эйн-Софу. И в этом лежит разница между арийской и семитской философиями. Оккультисты первой говорят о Черном Огне, что есть символ неведомого и невообразимого Брахмы, и заявляют, что о "Черном Огне" невозможны никакие рассуждения. Но каббалисты, которые, благодаря тонкому изменению смысла, наделяют даже Эйн-Соф видом косвенной воли и атрибутами, называют свой "огонь" белым, таким образом низвергая Абсолют в мир зависимости и конечности.

БЕЛАЯ ГОЛОВА По-еврейски Реша Хивра, эпитет, данный Сефире, высшей из Сефиротов, чей череп "выделяет росу, которая призывает умерших снова к жизни".

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ Знак посвящения, упомянутый в "Откровении" Св. Иоанна. На нем было выгравировано слово награда, и он был символом того слова, которое давалось неопиту, успешно прошедшему при своем посвящении через все испытания в Мистериях. Это был могущественный белый сердолик средневековых розенкрейцеров, которые переняли его от гностиков. "Тому, кто победит, я дам вкусить от сокрытой манны (оккультное знание, которое нисходит с неба как божественная мудрость), и дан ему белый камень, а в камне - новое имя вписано ("тайное имя" внутреннего человека или Эго нового Посвященного), которое ни один человек не будет знать, но только тот, кто получит его." ("Откровение", II, 17.)

СЫН ВДОВЫ Имя, данное французским масонам, вследствие того, что масонские церемонии главным образом основаны на приключениях и

смерти Хирама Абифа, "сына вдовы", который якобы помогал строить мифический Храм Соломона.

ВИЛИ (Сканд.) См. "Ве".

ВОЛЯ В метафизике и оккультной философии Воля есть то, что руководит проявленными вселенными в вечности. Воля есть единый и единственный принцип абстрактного вечного Движения, или его воодушевляющая сущность. "Воля есть первая из всех сил", говорит Ван Гельмонт, "... Воля есть атрибут всех духовных существ и выражает себя в них тем активнее, чем больше они освободились от материи." И Парацельс учит, что "решительная воля есть начало всех магических действий. Именно потому, что люди не в совершенстве представляют себе и верят в результат, (оккультные искусства являются такими неубедительными, тогда как они могли бы быть вполне убедительными". Как и все остальное Воля семерична в своих степенях проявления. Эмануруя из единой, вечной, абстрактной и находящейся в полном покое Воли (Атма в Лайам), она становится Буддхи в своем состоянии Алайя, спускается ниже как Махат (Манас), и нисходит по лестнице степеней, пока божественный Эрос, в своем низшем, животном проявлении, не становится эротическим желанием. Воля как вечный принцип не есть ни дух, ни субстанция, но вечная мыслеоснова. Как прекрасно выразился Шопенгауэр в своей "Parerga": "В действительности нет ни материи, ни духа. Стремление к гравитации в камне столь же необъяснимо, как и мысль в мозгу человека. ...Если материя может - неизвестно почему - падать на землю, то она может также - неизвестно почему - мыслить. ...Как только, даже в механике, мы переходим пределы чисто математического, как только мы подходим к непостижимому молекулярному притяжению, тяготению и так далее, мы становимся лицом к лицу с явлениями, которые для наших чувств являются столь же таинственными, как и воля."

МУДРОСТЬ "Сама сущность мудрости содержится в Не-Бытии", говорят каббалисты; но они также относят это термин к Слову или Логосу, Демиургу, которым эта вселенная была вызвана к существованию. "Единая Мудрость - в Звук", говорят оккультисты, - где опять-таки Логос подразумевается под Звуком, который есть субстрат Акаши. В "Зохаре", "Книге Великолепия", говорится: "Это есть Принцип всех Принципов, таинственная Мудрость, венец всего, что имеется от Всевышнего". ("Зохар", III, fol. 288, "Каббала" Мейера.) И это объясняется: "Над Кэтер есть Айин или Энс, т.е. Эйн, Ни-что". "Это так названо потому, что мы не знаем, и не возможно узнать, что в этом Принципе, потому что... это выше самой Мудрости" (III, fol. 288). Это доказывает, что истинные каббалисты соглашаются с оккультистами, что сущность или то, что есть в принципе Мудрости, еще выше этой высшей Мудрости.

РЕЛИГИЯ МУДРОСТИ Единая религия, лежащая в основе всех ныне существующих верований. Та "вера", которая, будучи предвечной и открытой непосредственно человеческому роду его прародителями и одушевляющими Эго (хотя Церковь считает их "падшими ангелами") не требовала ни "привлекательности", ни слепой веры, обо она была знание. (См. "Гупта Видиа", Сокровенное Знание.) Именно на этой Религии Мудрости и основана Теософия.

ВЕДЬМА От англо-саксонского слова wisse, германского wissen, "Знать", и wiken, "пророчить". Введьм вначале называли "мудрыми женщинами", до того дня, когда Церковь решила следовать закону Моисея, который предавал каждую "ведьму" или колдунью смерти.

КОЛДОВСТВО Заклинание, искусство насылания чар и применения черной магии.

ШАБАШ ВЕДЬМ Предполагаемый праздник и сборище ведьм в каком-нибудь уединенном месте, где - согласно обвинениям - колдуньи вступали в непосредственное сношение с Дьяволом. В это верили все расы и народы, а некоторые верят по сей день. Так, говорят, что главная "штаб-квартира" и место сборищ всех ведьм в России - это Лысая Гора вблизи Киева, а в Германии - Брокен, в горном массиве Гарц. В старом Бостоне, США, они встречались вблизи "Чертова Пруда", в большом лесу, который теперь исчез. В Салеме они были преданы смерти почти что по воле Старейшин Церкви, а в Южной Каролине сожгли ведьму еще в 1865 г. В Германии и Англии Церковь и Государство казнили их тысячами, заставляя лгать и под пытками признаваться в участии в "Шабашах Ведьм".

ВИТТОБА (Санскр.) Одна из форм Вишну. Мур в своей "Hindu Pantheon" приводит изображение Виттобы, распятого в Пространстве; а преп. д-р Ланди утверждает ("Monumental Christianity"), что эта гравюра предшествует Христианству и представляет распятого Кришну, Спасителя, - отсюда и конкретное пророчество Христа (см. "Раз. Изиды", II, 641, 642).

ВОЛШЕБНИК Мудрец. Заклинатель или колдун.

УОДАН (Саксон.) Скандинавский Один, Вотан или Уотан.

МИР (World). Как префикс к горам, деревьям и так далее это означает мировое верование. Так, "Мировой Горой" индусов была Меру. Как сказано в "Разоблаченной Изиде": "Все мировые горы и

мировые яйца, мировые деревья и мировые змии и столбы могут быть объяснены, как воплощающие научно доказанные истины натурфилософии. Все эти горы содержат, с очень незначительными вариациями, аллегорически выраженное описание первичной космогонии; мировые деревья - последующей эволюции духа и материи; мировые змии и столбы - символические памятники различных атрибутов этой двойкой эволюции в ее бесконечном соотношении космических сил. В таинственных глубинах этой горы - матрицы вселенной - боги (силы) готовят атомистические зародыши органической жизни, и в то же время напиток жизни, который, когда его пьют, пробуждает в человеке-материи человека-духа. Сома, жертвенное питье индусов, является этим священным напитком. Ибо, при сотворении *prima materia*, в то время как ее грубейшие частицы были использованы для физического эмбрио-мира, ее более божественная сущность наполнила вселенную, невидимо пронизывая и заключая в свои эфирные волны новорожденного младенца, развивая и стимулируя его к деятельности, по мере его медленного выявления из вечного хаоса. Из поэзии абстрактных представлений, эти мировые мифы постепенно превратились в конкретные образы космических символов, какими их теперь раскрывает археология." Другим и еще более принятым префиксом ко всем этим объектам служит слово "Mundane". (См. "Мировое Яйцо", "Мировое Дерево" и "Иггдрасил".)

МИРЫ, Четыре. Каббалисты различают Четыре Мира Существования, а именно: Ацилут, или прототипный; Бриа, или творящий, первое отражение высшего; Иецира, или формирующий; и Ассия, Мир Оболочек, или Клиппот, и материальная вселенная. Сущность Божества, концентрируясь в Сефиротах, сперва проявляется в Мире Ацилут, и их отражения воспроизводятся последовательно в каждом из четырех планов, постепенно уменьшаясь в светоносности и чистоте, пока не достигнута материальная вселенная. Некоторые авторы называют эти четыре плана Разумным, Нравственным, Чувственным и Материальным Мирами.

МИРЫ, Низшие и Высшие. Оккультисты и каббалисты сходятся в разделении вселенной на высшие и низшие миры, миры Мысли и миры Материи. "Как вверху, так и внизу", утверждает Герметическая философия. Этот низший мир сформирован по своему прообразу - высшему миру; и "все, что в низшем, есть лишь образ (отражение) того, что в высшем". ("Зохар", II, fol. 20a.)

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЕР

Есть хорошее правило: скотину в дом не пускать, не приучать. Собаке во дворе конуру ладят, пушай там и сидит, хозяйство сторожит.

А если какой голубчик ее пожалеет, - дескать, мерзнет псина, али что, - пустит ее в дом на зиму, - нипочем собака в конуру не вернется, ей уж в избе понравилось. Чуть отвернешься, а она опять норовит в дверь протиснуться.

Правило научное, для всякой твари верно; то же и с перерожденцами. Перерожденцу место где? - в хлеву. Потому как есть он скотина, а скотина должна водиться на скотном дворе, само название подсказывает за это.

Вот и Тетеря: побывал пару разочков у людей в дому, - сначала Никита Иваныч хулиганил, сажал тварь за стол, мнениями его интересовался; потом Бенедикту пришлось кликнуть его, - давеча, у Варвары-то, а это он, знать, из-за душевного расстройства подзабылся, - побывал перерожденец в дому и теперь норовил чуть что - в дом.

Сначала предлоги выискивал: помочь поднести, дверь открыть, канплимент теще, Оленьке канплимент, потом с советами на кухню, дескать, знаю наипервейший рецепт, как грибыши сушить... Эвон! Да мы грибыши со времен царя Гороха сушили, сушим, и до

Последних Дней сушить будем! На нитку повесь да и суши! Наука тут нового слова не скажет!

Потом будто ему от тестя охота указание выслушать: как ловчей на себя бубенцы приладить, чтобы звону от них больше, когда едешь; какие песни желательно петь в дороге: заунывные али бойкие; потом, глядишь, а он уж

старший по хлеву, сам покрикивает, чтобы эй! - навоз почистили; не успели оглянуться, а он уж свой в доме. Только и слышишь: "Терентий Петрович это, Терентий Петрович то".

Бенедикт ногами топал, ярился, взывал, стыдил, убеждал, грозился, тащил за рукав, - нет, Беня, оставь, как же без Терентия Петровича? И достанет, и принесет, и посмешит, и форшмак состряпает, и румяна похвалит, и белила.

Увидит Оленьку в колобашках, в сметане, и будто в сторону, будто сам себе, не сдержамшись: "Ну до чего ж баба красивая, е-мое!"

В санях катает с посвистом, с песнями; узду заплел косичками, шлею разукрасил берестяными картинками: посередке идола прибил рисованного, - усищи в обе стороны; с одного краю баба голая с сиськами, с другого надпись: ВАС ОБСЛУЖИВАЕТ Головатых Терентий Петрович. Пригласил Оленьку полюбоваться, Оленька сразу: "Всё, Бенедикт, это сани мои! Бери себе другие!" - плюнул, но отдал ей сани-то, и с Тетерей вместе, - уж

больно зол на него был, противно было даже и бить его.

А достался ему перерожденец Иоаким, старец одышливый и с харкотой: всё у него в грудях клекочет и блекочет, сипит и хрипит; еле ноги тащит, пройдет два забора, да и остановится:

- Ох, Господи, царица небесная... Грехи наши тяжки... Ох, прибрал бы Господь...

И - кашлять, да с сипом, да с мокротой; да харкать, да сплевывать; пока свое не отплюет, с место его кнутом не стронешь.

- Матушка небесная... и сорок святых мучеников... забыли меня... Забыл Никола-то угодник... грехи мои тяжки...

- Давай, дед, давай, трогай! Дома поплюешь!

- О-ох, смерть нейдет... прогневил Господа...

- Песню давай! Удалую!!!

- Христо-о-о-ос воскре-е-е-есе из
мееееееееееертвых...

Стыдно было: вдруг кто из знакомых увидит? Зубоскалить начнет? Дескать, гляньте, гляньте на Бенедикта! Что за кляча-то у него? да где таких берут? а то еще и прозвище дадут!

И ведь как боялся, так и случилось: тащился на Иоакиме мимо пушкина - охота поглядеть было, как он там стоит-то, - а тут как раз Никита Иваныч: залез на наше все и отвязывает ему от шеи бельевую веревку, - ну как всегда. Увидел Бенедиктов позор и - так и есть! - закричал:

- Да как тебе не стыдно, Бенедикт!!! На старом-то человеке ездить!!! Ты вспомни, чей

**ты сын!!! Полины Михайловны!!! Где же это
видано?!?!?! Быстрее пешком дойдешь!!!**

**Позор несусветный; Бенедикт отвернулся,
сделал вид, что не видит, не слышит, дома
наплакался тестю: эвон, на меня даже Прежние
пальцами кажут, тычут, что резвее надо, мать
позорю! Давайте Тетерю назад, хрен с ним! - а
уж всё, уж Тетеря на других работах занят:
возвысился до кухонного мужика, чистит репу,
птицу потрошит, винегреты накручивает.**

**И дали перерожденца самого простого и
среднего: особенностей никаких, и звать
Николай.**

**Подушки Оленька набила белым пухом;
лежать стало куды мягче. Работы никакой
делать не надо, ни рубить, ни тесать; пешком
ходить тоже не надо, - в санях доеду; кушать -
беспрерывно пожалуйста, - так что Бенедикт
раздобрел, али сказать, оплыл. Отяжелел. А не
столько даже от еды отяжелел, сколько от дум
тяжелых. Словно натолкали в душу ветоши,
тряпья старого, валяных ошметок: и душно, и
чешется, и гнетет. Лежи не лежи, а все нет
покою.**

Должны где-то книги быть. Где-то должны.

**Выходил на двор, на мураву, - только-только
из-под снега проклюнулась, - руку размять.
Случись изъятие делать, так чтобы в руке
легкость была, приемистость, али
поворотистость, чтобы крюк не тыркался, а
летал, чтобы он как бы с рукой сросся, так,**

чтобы уж разницы никакой не чувствовалось: где рука, а где крюк.

А то тесть ему все попреки делал, что Бенедикт неловкий, что голубчика загубил. Встретит в коридоре и головой качает с упреком, сокрушенно: ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй...

- Ведь крюк, он на что? Он на то и крюк, что он не тыка! У него, мил-человек, и линия такая, - видишь? - погибается! А почему? а потому что гуманность в нашем деле допрежь всего. Раньше, конечно, - раньше режим строгий был: чуть что, разговор короткий, сразу пырь! - и дух вон. Вот тогда, понятно, тыка сподручнее. А теперь нам другая линия дадена: с кривизной, али с загибом, потому как не убивать, а лечить надо. Отсталость в обществе огромная, - ведь объяснял я тебе, - а искусство гибнет. Ежели не ты да я, кто за искусство постоит? - то-то.

- Но, папенька, ведь искусство требует жертв, - Оленька за Бенедикта вступается.

- Первый блин комом, - это теща утешает.

- Опять ты про блин! Да что же это у тебя один разговор: блины да блины!.. - Бенедикт не слушал, уходил, ворочал тяжкую думу; свистнув Николаю, валился кулем в сани: "На торжище!" - не сняв балахона, лишь колпак откинув на спину, - красный, грузный, мрачный брел вдоль прилавков, где малые мурзы раскинули берестяные книжицы, корявые свои самоделки. Народ замолкал, пужался, когда напролом, с думой на челе, с

темными от бессонных ночей подглазьями, с наеденными брылами, наеденной широкой шеей, - ворот душит, - ступал Бенедикт тяжелой поступью; сам знал, что страшен, - а пусть. Брал книжицу, брезгливо листал, - мурза пикнул было, что сначала платить... - так посмотрел, что больше уж мурза не плакал.

Эту читал. И эту читал. Это что? - читал, да всю целиком, а не отрывки, как тута.

- Где полный текст? Полный текст должен быть, воры! - хрипел на присевшего, съездившегося в воробьишку мурзу, тыкал толстым пальцем в бересту; ведь и тут украли, ведь что за народ! Там главу пропустят, там оборвут на полслове, там строчки переставят!

- Бересты в государстве не хватает, - лепетал перепуганный мурза, - работать некому...

- Ма-алча-ать!!!

Иной раз попадалось и нечитанное: ржавые кривули, загибающиеся строки, описки на каждой странице. Такое читать - что землю есть с камнями. Брал. Тошнило, себя презирал, но брал.

Вечером, склонившись низко, вода пальцем по ухабам и рытвинам бересты, шевеля губами, разбирал прочитанное; глаз отвык от скорописи, спотыкался; глаз хотел ровного, летучего, старопечатного, черным по белому, ясным по чистому; и писец, видать, нерадивый

перебелял, - кляксы да помарки, а дознаться бы, кто - да головой в бочку!

К трибунам прикипели наши взгляды,
И ловит слух в державной тишине
Итоговую взвешенность доклада,
Где все разделы - с веком наравне!
(Клякса) (клякса) (клякса)
(клякса) ...чувств своих не прячем на засов,
И нам дают сердца и партбилеты
Решающую силу голосов! (клякса)

Ну? Поэзии - от силы на полторы мыши, а берут двенадцать. И здесь воровство. Бенедикт, правда, вообще не платил: так давали.

Пробовал прежние книги перечитывать, да это же совсем не то. Никакого волнения, ни трепета, али предвкушения нету. Всегда знаешь, что дальше-то случилось; ежели книга новая, нечитанная, так семь потов спустишь, волнуешься: догонит али не догонит?! Что она ему ответит?! Найдет он клад-то? Али вороги перехватят?! А тут глазами по строчкам вяло так водишь, и знаешь: найдет; али там догонит; поженятся; задушит; али еще что.

Ночью, ворочаясь без сна в мягком пуху, думал. Представлял городок, улочки, избы, голубчиков, перебирал мысленно знакомые лица. Иван Говядич, - есть у него книга? Вроде он грамоте не учен. Что ж из того: читать не умеет, а книгу зажал. Бывает? Бывает. Вместо суповой крышки... Грибыши в кадке

пригнетать... Наливался нехорошей кровью, плохо думал про Иван Говядича. Попробовать изъятие?.. У Иван Говядича ног нет, из-под мышек сразу ступни. Крюк тут нужен короткий, с толстой ручкой. Но руки у него мощные. Значит, короткий нельзя...

Ярослав: проверить Ярослава? Вместе грамоте учились, счету... Он уж такой: коли что спрятал, - не признается. Думал о Ярославе. Вот тот в избу входит, дверь на засов. Огляделся. К окну идет на цыпочках, пузырь отогнул: не глядит ли кто? Теперь к печи... Свечкой туда тычет: запалить... Теперь к лежанке... Опять обернулся, будто что почувствовал. Постоял... Нагибается короб из-под лежанки вытянуть... Шарит в коробе, шарит... вот переложил из руки в руку... Бенедикт напрягся, видел: словно живой, только неплотный, нетелесный, - свеча сквозь него мерцает и трещит, - словно бы в сумеречном воздухе висит Ярослав сонной тенью, шарит и шарит: нетелесную спину его видать в домотканой рубахе, нетелесные лопатки ходуном ходят: роется; позвонки теньвыми пупырями вдоль спины...

Широко раскрытыми глазами вглядывался Бенедикт во тьму; ведь она же тьма, ничего в ней нет, верно? - ан нет, там Ярослав, и вот так привяжется, что и не отвяжется! Вертишься в подушках, али встанешь покурить, али в нужный чулан, али еще куда, - все Ярослав, Ярослав... Скажешь себе: не думать про Ярослава! Знать не знаю! - ан нет, как же не

знаю: а вон же спина его, вон же он роется...
Ночь проведешь без сна, встанешь, - туча-тучей,
за столом всё невкусно кажется, всё не то что-то,
откусишь кусок, да и бросишь: не то, не то...
Буркнешь тестю: может, Ярослава проверим?..
- а тесть недоволен, пол скребет, глазами
укоряет: вот вечно ты, зять, по мелочам, вечно
от главного уклоняешься...

К лету крюк летал как птица; Ярослав
проверен, - ничего не нашлось, Рудольф,
Мымря, Цецилия Альбертовна, Трофим, Шалва,
- ничего; Иаков, Упырь, Михаил, другой Михаил,
Ляля-хромоножка, Евстахий - ничего. Купил на
торжище "Таблицы Брадиса" - одни цифры.
Изловить этого Брадиса, да головой в бочку.

Никого вокруг. Ничего. Только високосная
метель в сердце: скользит и липнет, липнет и
скользит, и гул в метели, будто голоса
далекие, несчастливые, - подвыывают
тихохонько, жалуются, а слов-то не знают.
Али будто в степи, - слышь, - вытянув руки,
бредут на все стороны, разбредаются
испорченные; вот они бредут на все стороны,
а сторон-то для них и нет; заблудились, а
сказать-то некому, а и сказали бы, встретили бы
живого - так не пожалеет он их, не нужны они
ему. Да и не узнают они его, им и себя-то не
узнать.

- Николай!.. К пушкину!

Сырая метель набросала пушкину вороха снега на сутулую голову, на согнутую руку, будто лазал он по чужим избам, по чуланам подворовывать, набрал добра сколько нашлось, - а и бедное то добро, непрочное, ветошь одна, - да и вылазит с-под клетки, - тряпье к грудям притиснул, с головы сено трухлявое сыплется, все оно сыплется!..

Что, брат пушкин? И ты, небось, так же? Тоже маялся, томился ночами, тяжело ступал тяжелыми ногами по наскребанным половицам, тоже дума давила?

Тоже запрягал в сани кого порезвей, ездил в тоске, без цели по заснеженным полям, слушал перестук унылых колокольцев, протяжное пение возницы?

Гадал о прошлом, страшился будущего?

Возносился выше столпа? - а пока возносился, пока мнил себя и слабым, и грозным, и жалким, и торжествующим, пока искал, чего мы все ищем, - белую птицу, главную книгу, морскую дорогу, - не заглядывал ли к жене-то твоей навозный Терентий Петрович, втируша, зубоскал, вертун полезный? Говорок его срамной, пустой, — по горницам не журчал ли? Не соблазнял ли интересными чудесами? "Я, Ольга Кудеяровна, одно место знаю... Подземная вода пинзин... Спичку бросить — хуяк! — и летим... Желается?"... Давай, брат, воспарим!

Ты, пушкин, скажи! Как жить? Я же тебя сам из глухой колоды выдолбил, голову склонил,

**руку согнул: грудь скрести, сердце слушать: что
минуло? что грядет? Был бы ты без меня
безглазым обрубком, пустым бревном,
безымянным деревом в лесу; шумел бы на
ветру по весне, осенью желуди ронял, зимой
поскрипывал: никто и не знал бы про тебя! Не
будь меня - и тебя бы не было! «Кто меня
верховой властью из ничтожества воззвал?» -
Я воззвал! Я!**

**Это верно, кривоватый ты у меня, и
затылок у тебя плоский, и с пальчиками
непорядок, и ног нету, - сам вижу, столярное
дело понимаю.**

**Но уж какой есть, терпи, дитяtko, - какие мы,
таков и ты, а не иначе!**

**Ты - наше все, а мы - твое, и других нетути!
Нетути других-то! Так помогай!**

(продолжение следует)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

35

Что-то будто завертело его, сжало, ударило, что-то хрустнуло, — возможно, хрустнуло в нем самом, какие-то нити рвались и цепи звякали глухо, вихри обдували Данилова, горы падали на него или он сам падал в раскаленные кратеры. Иными случались его прежние перемещения во времени и пространстве. Больно было Данилову и страшно.

Но прибыл Данилов куда ему следовало прибыть. Он находился теперь невдалеке от Девяти Слоев, в Колодце Ожидания, известном ему с чужих слов. Темень была всюду. Да и не темень, а чернота. Однако Данилов в черноте не растаял, он все еще ощущал себя живым и неуверенным. Легче ему от этого не было. Он чувствовал, что с четырех сторон его окружают стены, — их нет, но он не сможет сквозь эти несуществующие стены куда-либо уйти. Он знал, что стены продолжаются и вверх и вниз, и нет при них ни пола, ни потолка, колодец бесконечен, но ему, Данилову, не дано в нем ни летать, ни плавать. Поначалу Данилов думал,

что и позу менять не позволят, но нет: не вытерпев неведения, Данилов чуть выпрямил ноги, опустил руки, ожидал кары, однако никаких запретительных сигналов не последовало. Значит, можно! Что руки, что ноги! Он мог существовать сейчас и застывшим, не это было важно: его обрадовало обретение пусть и крошечной, но свободы. Или видимости крошечной свободы.

В черноте Колодца ничего не происходило. И, по всей вероятности, ничего и не должно было происходить. Сама чернота, сама бездеятельность Данилова, ощущение им собственного бессилия, предчувствие страшного впереди должны были его изнурить. Времени он сейчас не чувствовал, то есть не чувствовал того времени, какое могло течь, разрываться, останавливаться или винтиться в Девяти Слых. Это удручало Данилова, обрекало на некое безволие, неготовность к неожиданностям, а стало быть, и к мгновенному сопротивлению им. Данилов понял, что если он устроит в самом себе отсчет времени земным способом, ему станет легче укрепить себя. Так и вышло. Теперь он хоть и в мелочи, но был хозяином своего состояния. Он сам установил в Колодце время, привычное для него. И отсчитывая час за часом, говорил себе: "Ну вот и еще выдержал. А они сколько протянут? И что придумают после?"

Проходили сутки (в земном измерении, хотя на самой Земле, полагал Данилов, могло не

сдвинуться и секунды). Данилов все считал. Однажды он снова изменил позу. И не потому, что в его теле что-то затекло, а из желания не выглядеть некрасивым или жалким. Какой-то скрюченный висел он в Колодце.

И обнаружилось перед Даниловым видение. Явился старательный порученец Валентин Сергеевич в ношеном-переношенном тулупе, в валенках, снабженных галошами, с метлой в руках. Стоял он сейчас в печальном проезде под домом шестьдесят седьмым на Первой Мещанской, в ночной подворотне, и имел вид дворника. На нем был темный передник в заплатках и даже дворницкая бляха, давно отмененная в Москве. Валентин Сергеевич опустил метлу, стал сгребать ею вонючие и гнилые предметы, вызвавшие досаду Данилова в последние его мгновения на Земле. Греб Валентин Сергеевич плохо, и выходило так, что он ничего не сгребал. Валентин Сергеевич стоял на месте, и метла его повторяла одно и то же как бы застывшее движение. Сам Валентин Сергеевич выглядел сейчас заведенным механизмом. Наконец его завод кончился, он замер. Потом дернулся, опять начал водить орудием труда, не позволяя себе при этом ни увеличить, ни уменьшить размах движения метлы хотя бы и на сантиметр.

Теперь Данилов услышал и звуки. Сморгание Валентина Сергеевича, его вздохи, шуршание чего-то по асфальту. Валентин Сергеевич, до этого не замечавший Данилова, посмотрел на

него с укором, погрозил пальцем. Он и лицо скорчил: "Ну что, дождался своего, негодный!" Но тут ему, видимо, на что-то указали, Валентин Сергеевич сгорбился и тихонько пошел. Его дворницкая бляха стала заметнее, весь его облик как бы говорил: "Да, конечно, я помню, помню, я мелочь, я ничтожество, я свое дело исполнил, и все..." Подворотня исчезла, и Валентин Сергеевич удалился в черноту.

Опять Данилов пребывал в черноте, выжидая, когда наконец его подвергнут новым воздействиям. А о нем как будто забыли.

Данилову захотелось снять пальто. Ему не было жарко. Как, впрочем, не было и холодно. Но пальто, шапка и перчатки начали стеснять его. Он бы с удовольствием расстегнул пуговицу рубашки и убрал бабочку, он бы и шнурки ботинок развязал, хотя ботинки не жали. От чего он желал свободы? От вещей? Пусть для начала и от вещей... Но тут же Данилов сказал себе, что это нервы. Данилов не расстегнул ни единой пуговицы пальто. И перчатки не снял. А шапку натянул покрепче и уши ее опустил, будто некий шум раздражал его. Но ничто не звучало. И Данилов повел про себя партию альты из симфонии Переслегина.

Потом перестал. То ли ослаб, то ли отчаялся, в нем сейчас жила обида маленького и слабого ребенка, чуть ли не со слезами глядящего на взрослых: "За что вы меня! Что плохого я сделал вам?" Данилову хотелось, чтобы он и вправду стал сейчас маленьким, беззащитным

(беззащитным он, впрочем, и был) и чтобы кто-нибудь сильный приласкал его или хотя бы пожалел, простил ему капризы и шалости. Данилов и бороду сейчас, пожалуй бы, сбрил. Если бы попросили. Однако никто не увидел в Данилове обиженного ребенка, ни вздоха сочувствия Данилов не услышал.

Он вообще попрежнему ничего не слышал. Скрепки метлы Валентина Сергеевича, его вздохи и сморкания вспомнились нечаянным и бесценным подарком. А вдруг и само время "Ч" уже началось? И может быть, заключалось оно в вечном отлучении Данилова от звуков. Ведь кураторы и исследователи могли уже все решить, и не было у них никакой нужды проводить с Даниловым разговоры. "Так нельзя! — ерепенился Данилов. — Не имеют права! Нужно объяснить мне, почему и что!" Но сразу же он почувствовал, что его возмущение, как и готовность сбрить бороду, как и желание оказаться на глазах у публики бедным, заблудившимся ребенком, сами по себе бессмысленны, и его, Данилова, показывают лишь жалкой личностью. Ожидание подачек и милостей было изменой самому себе, да и за подачи эти и милости следовало бы еще платить по высоким ценам.

Он закрыл глаза, но сразу же сквозь сомкнутые веки увидел некое движение где-то рядом. Опять то ли скользили тени, то ли колыхались снятые с чьих-то незаживших ран

бинты. Данилов устало и словно бы нехотя открыл глаза.

Тени или полотнища унеслись, покачиваясь, в глубину черноты, растворились в ней, а перед Даниловым появились шесть бараньих голов на коротких сучковатых палках. Головы перемигивались, словно кривлялись, скалили зубы и подскакивали, норовя толкнуть друг друга или укусить.

Вскоре вместо них возникла небольшая фигура мужчины, смутно Данилову знакомого. "Это мой Дзисай!" — догадался Данилов. Своего Дзисая он никогда не видел, но был уверен теперь, что это именно его Дзисай. Дзисай опустился на колени, видно, собираясь молить о чем-то. Возможно, о смягчении своей участи. А возможно, и о смягчении участи Данилова, с судьбой которого он был связан по желанию прекрасной Химеко. Лицо Дзисая исказила гримаса предсмертной муки, он опустил голову. Прежде Данилов полагал, что его Дзисай (порождение наивных времен, о каких и помнят немногие) должен был бы носить кимоно и иметь стекающую на спину косичку, но нет: Дзисай был одет в тхасы и кожаный пиджак, а волосы отрастил пышные, длинные, будто бы играл на электрической гитаре. "Как он молод! Он совсем юноша! — содрогнулся Данилов. — Нет, Химеко, не надо... Не надо... Молю тебя..." Данилов закрыл глаза, но Дзисая он наблюдал и с закрытыми глазами. Химеко не услышала его мольбы, да вовсе и не Химеко явила Дзисая или

его тень пред очи Данилова. Возможно, Химеко уже принесла Дзисая в жертву ради спасения Данилова, и теперь Данилову были намерены показать, как это произошло и почему жертва вышла напрасной.

Данилов открыл глаза. На месте Дзисая было нечто багровое, растекшееся, это растекшееся стало исходить дымом и рассеялось в черноте. "А ведь я принял бы жертву, принял бы!" — почувствовал Данилов. Данилов жалел и юношу Дзисая, погибшего бессмысленно, и себя. Он заплакал бы, коли б знал, что на него не смотрят... На мгновение ему показалось, что возник нежный запах цветов анемонов. Вдруг Химеко сквозь все препоны удалось высказать ему теперь сострадание? Но тут же глаза и носоглотку ему защипало. Не цветы анемоны благоухали, а, похоже, где-то невдалеке без звука разорвалась граната со слезоточивым газом. Газ этот оказался теперь хорош для Данилова. Неприятность, доставленная им, как бы напомнила Данилову, что и его судьба ничем не лучше судьбы Дзисая.

А перед Даниловым уже неслись световые вихри, и фиолетовые волдыри лопались в них. Вихри эти скоро уже не казались Данилову сообщением о чем-то, они стали реальностью, приобретали мощь и глубину, а глубина их была — в миллиарды земных километров. Данилову даже показалось на мгновение, что стены черного колодца исчезли, но это было ошибкой.

Действительно, глубина его видений была сейчас в миллиарды километров, но и черные стены остались. Вытянув руки, наверное, можно было дотронуться до них, — впрочем, естественно, ничего не ощутив.

Тут он вспомнил, что какое-то время назад — а счет времени он уже и не вел — он заставил зазвучать в себе музыку Переслегина. Однако музыка тогда же и затихла. Неужели он стал так слаб? Или себе не хозяин? Или засмотрелся на видения? Нет! Данилов решил, что немедленно в его суверенной личности будет восстановлен обычный ход жизни, несколько не зависимый от бытия в колодце и опытов исследователей. Усилием воли он опять заставил себя вести счет времени, и тут же "Пассакалья" Генделя стала исполняться в нем классическим секстетом. Что касается мыслей и чувств, то они попрежнему существовали в нем в двух потоках — словесные и музыкальные.

Видения опять напали на него.

Розовые пузыри все разбухали и лопались, яростные свирепые вихри обтекали их, но иногда и налетали на пузыри, и тогда взрывы ослепляли Данилова. И снова огненные языки и осколки от этих взрывов разлетались на миллиарды километров. Вспышки и взрывы продолжались долго, но потом они стали случаться реже, словно бы угомонение происходило в их стихии, и, наконец, некоторые успокоенные, упорядоченные формы и линии стали проступать в поначалу раскаленных,

нервных потоках. Теперь перед Даниловым висел и переворачивался вокруг невидимой оси мутноватый, чуть искривленный, мерцающий диск; в нем держались, соблюдая тихое движение, светящиеся спирали, закрученные и взблескивающие на концах. Потом Данилов увидел, что и всюду, на разных расстояниях от явившегося ему диска, расстояниях, измеряемых уже не миллиардами километров, а веками и тысячелетиями, висят, вращаются, плавают, копошатся другие диски, спирали, скопления светящихся и черных пылинок — планет и звезд.

Данилов почувствовал, что он перед ними — великан и может ступить по ним, как по кочкам мокрого торфяного поля где-нибудь под Шатурой или Егорьевском. Ступить по ним и властвовать ими. Нехватало лишь сущей малости. Позволения ему, Данилову, вышагнуть из Колодца Ожидания...

Тут же Данилов ощутил себя никаким не великаном, а жалким существом, растерянным и испуганным. Вошью земной перед этими исполинскими дисками, спиралями и сгустками, перед галактиками и вселенными, перед ходом их судеб. Зябко стало Данилову. Тут и шапка с опущенными ушами не могла умерить дрожи. И инструменты секстета, которые Данилов, противясь напору исследователей, все еще заставлял играть "Пассакалью" Генделя, умолкли. А диски и спирали, известные Данилову и прежде, исчезли; и маленькая

крупинка блеснула в черноте. На Земле ни одна электронная установка не смогла бы разглядеть ее или хотя бы дать о ней сведения. Она разрослась, или Данилов был усушен и уменьшен. Данилов уже понимал, что он помещен внутри явленной ему крупинки. Да что крупинки! Внутри ядрышка какого-нибудь захудалого атома, что и науке неинтересен! Или еще унижительнее — внутри простейшей частицы, не знающей на Земле покоя и управы, не словленной там ни одним хитроумным устройством, а здесь, в колодце, покорной и недвижимой. Но теперь в ней, в этой частице или в этом ядрышке, Данилову представились свои мерцающие диски, свои кристаллические построения из сгустков, из скрепов каких-то ледяных шаров и игл, и будто бы шевеление этих ледяных шаров и игл усмотрел Данилов, и явно полет здешнего космоплана привиделся ему; и отчего-то вспомнился Кармадон, мелькнуло даже злое, надменное лицо Кармадона, какое было у него на лыжне в Сокольниках. И вдруг что-то случилось: разломались диски, стали крениться кристаллические решетки, посыпались с них ледяные шары и иглы, взрываясь на лету или тая. Всё свалилось и всё исчезло, но он, Данилов, остался.

Перед ним сидел сапожник, курносый мужик лет пятидесяти из Марьиной рощи, и чинил парусиновые тапочки, какие носили, придавая им белый цвет зубным порошком,

щеголи в Москве в конце сороковых годов. На коленях сапожника был черный кожаный фартук, губами он держал гвозди, хотя для починки тапочек они не были нужны. "Кто это? — удивился Данилов. — Зачем мне его показывают? Вдруг я ему что-то должен? Нет, не помню..." Возле сапожника стала прыгать серая дворняжка, отдаленно напоминая Данилову грамотную собаку Муравлевых по кличке Салют. Сапожник с любовью осмотрел починенные им тапочки, остался ими доволен и протянул их собаке. Собака взяла тапочки и съела их. Потом лапой она пододвинула к себе сапожника и съела его. Облизнувшись, она поморщилась, выплюнула черный фартук и сапожные гвозди. Зевнула и ушла. Гвоздей было пять. "А во рту он держал шесть, — вспомнил Данилов. — Ну шесть! Ну, а мне-то что!"

Фартук и гвозди потом долго валялись в пустоте перед Даниловым. Главное же действие производили теперь многочисленные вещи, предметы и машины, знакомые Данилову по Земле. Чемодан, платяной шкаф, угольный комбайн, металлические плечики для брюк, самолетный трап, асфальтоукладчик, электроорган, вращающаяся электрошашлычница с кусками баранины, совмещенный санузел изумительного голубого цвета, автомобиль "Ягуар", игрушечная железная дорога с туннелями и переключателями стрелок, бормашина с

плевательницей, скорострельный дырокол для конторских папок, кухонный гарнитур... Впрочем, всего разглядеть Данилов не мог и не имел желаний: машины и вещи то и дело возникали новые, в столпотворении вытесняли друг друга, толклись, на месте не стояли, а находились в некоем хаотическом движении. И то разбирались на части, то — энергично, но и аккуратно — собирались в прежних своих формах. При этом именно разбирались кем-то невидимым, а не рассыпались сами по себе. Но однажды части вещей так и не вернулись в привычные соединения, то ли не смогли, то ли им уже не было в этом нужды. Во всяком случае, движение их стало совсем бешеным. Но составные части как будто бы вовсе не зажимались судорожными поисками своих ближних, чтобы вцепиться в них, и уж явно не желали вступать в соединения с чужими составными. Однако что-то происходило. Данилов сначала не мог понять, что именно, но потом, когда из досок, щитов, панелей, стекол, металлических суставов и блоков, ламп, фарфоровых полукружий, шестеренок, приводов, свечей зажигания, деревянных ножек, колес образовались чуть ли не живые существа, самые разные, со своими фигурами, походками, осанками, одни — гибкие, проворные, словно бы одетые в резиновые обтекаемые костюмы-мешки, другие — густые, водянистые, тяжелые, сонные, с мазутными глазами, — тогда Данилов догадался, в чем

дело. Перед ним были сущности вещей и машин, успевших вместиться в Колодце Ожидания, в его, Данилова, пространство и время. Или, может быть, если применить выражение афинского философа, — "чтойности" этих вещей и машин. Освобожденные от своих оболочек и функций, теперь они выявляли стывшие в них порывы и страсти, в азарте наступали на что-то, агрессивные, настырные, жадные, лезли, толпились, лягали это что-то. Данилов понял: они мнут и топчут черный фартук сапожника, не убранный после ухода собаки. Данилов был уверен: не убранный случайно, по небрежности исследователей. В их жестах, прыжках и наскоках была и патетика, было и торжество, но была и мелочность.

"Гвозди они, наверное, тоже затоптали", — подумал Данилов. Но разглядеть ни гвоздей, ни фартука он сейчас не мог. Темп движений неуравновешенных танцоров все убыстрялся, их самих становилось все больше и больше, злясь, каждый или каждое из них стремились пробиться к центру толпы, словно забытый фартук был им необходим. Неожиданно над ними взвинтилось и запрыгало кольцо огненных букв: "Вяленая икра минтая, яснычковая, 1—150, 1 рубль восемьдесят копеек, Темрюкского рыбзавода". Тут словно бы лампочки стали перегорать в огненном кольце, или на пульте управления случился какой дефект: некоторые буквы погасли, а потом исчезло и все кольцо. С пляшущей, подпрыгивающей толпой ничего не

произошло. Лишь в центре ее, в самой свалке, в самом ее вареве, по всей вероятности, что-то случилось; возможно, какие-либо чересчур скорые и настойчивые фигуры гибли там, разрушенные, раздавленные напором свежих чтойностей, лишь рожденных и желающих сейчас же потенцию самих себя перевести в осуществленное бытие.

Но затем во внешностях топтунов, толкачей и проныр начались преобразования. Что тут только ни появилось! Человеческое стало пропадать. Возникало нечто новое. Да и само новое тут же преобразовывалось. Резиновые мешки, соединения желеобразных шаров, стержни из гибкого металла с утолщениями и шипами, пузыри с зеркалами внутри, колючие кусты то ли нотных знаков, то ли никелированных украшений петербургских кроватей, беременные колбы, зеленые стручки на проволочных ножках, точильные круги, астма в полиэтиленовом куле, нечто похожее на жадную куриную лапу, а все больше силуэты, словно бы сбежавшие с экранов рентгеновских аппаратов, оставившие на тех экранах скелеты или что они имели там конструктивного, подкрашенные теперь неким неестественным светом, все они, не переставая двигаться, приобретали на ходу совершенно новые формы. И скоро это были уже никакие не силуэты и не мешки, а очевидные уроды или даже монстры, которые вызвали бы удивление и у служащих кунсткамер. Отрубленная задняя половина

автомобиля "Шевроле" была сочленена с крупом и ногами парнокопытной особи, породу которой Данилов определить не решился. Рога оленя украшали миниатюрную пудреницу. В одиноко порхающем крыле бабочки-капустницы размером с покрывало Пьеретты серьгой висел амбарный замок. Из ратушных часов выползал дымчатый плеозавр и никак не мог выползти. Граммофонная труба устроилась среди щупалец дешевого синтетического осьминога, из трубы выскакивали творожные сырки в унылой коричневой фольге, в трубу же они и падали.

Словно в нервном тике мигал светофорами котел тепловой станции, залитый луковым супом. Но все это были комбинации составных или композиции, Данилов не знал, как их назвать, внешне приличные, не вызывающие у Данилова позывов к рвоте. Но потом к ним стали присоединяться — существа? фигуры? сочленения? композиции? — (в конце концов, Данилов для удобства мыслей назвал их фантомами, но и это было неточно) — куда более пошлые и мерзкие. Тут Данилов несколько раз унимал спазмы пищевода. Полезли какие—то пластиковые и металлические детали, то ли роторы, то ли куски самолетных турбин, обмотанные колышущимися, истекающими кровью внутренностями животных и людей. И многие механизмы стали являться вывернутыми наизнанку, посыпанные при этом неизвестно

чем, но вонючим и гадким. В банках со спиртом возникли машины — автомобили, трамваи, гильотины, сцепленные с себе подобными, как сиамские близнецы. Самогонные аппараты гнали омерзительную студенистую жижу, в ней трепыхались утопленные щенки, аппараты сейчас же ее употребляли. Полугнида-полукатафалк с белыми кистями врезался в самогонные аппараты и вместе с ними превратился в черную жабу с желтыми гнилыми клыками и бивнями, обвешанную к тому же ротными минометами и терками на гнутых ручках (эти терки были не для овощей). Жаба сожрала спаренный трамвай, содержащийся в банке со спиртом, и тут же стала бумагой для поимки мух. Приклеившиеся к бумаге коморские драконы судорожно били хвостами, вызывая колыхание мучных червей. Открытые раны терлись о наждачную бумагу.

Следом объявились рожи, знакомые Данилову по земным суеверным страхам и по рассказам людей с воображением. Тут были и вурдалаки, и вампиры, и беззубые людоеды, пугавшие в сытые дни мелких мальчиков, и меланхолическое чудо-юдо с оранжевой пеной на стоматитовых деснах, и фантомасы, и франкенштейны, и недорогие ведьмы-потаскухи с Тирольских гор, и синие мертвецы, защекоченные когда-то русалками, а с ними и дохлые русалки, жертвы промышленных вод, и гневные дармапалы, семиликые, двадцатирукие,

многоглазые, опоясанные шкурами тигров, в венцах из людских черепов, в ожерельях из отрубленных голов, кто с мангустой в одной из рук, кто с морковью; и белая, трехглазая, с огненными волосами, в зеленом диком шарфе дзамбала, управляющая сумерками, и наглые асуры, и лукавые апсары, танец которых только увидь — жить не захочешь, и какие-то черные истуканы, сладострастные пугала с экватора, нервные от почесухи, и унылые псы из подземелий, чьи глаза как плоски, и летающие упыри с вечной слюной, капающей на галстук, плохо завязанный, и мелкие бесенята, приволокшие сковороды таких размеров, что не лишними были бы при них ядерные источники тепла. Да кто только не объявился! Скакали тут и конь бледный, и конь вороной, и томная дева плавала на листе лотоса.

И при этом все возникающие фантомы (а может быть, и не фантомы, — не все ли равно, кто они) — были снабжены приметамы нынешних земных времен. Будто необходимым было для них увлечение капризами моды. Или им были нужны доказательства их возрастного развития. И теперь один из этих фантомов мрачно, давя соседей, подпрыгивал на мотоцикле. Другой дул в саксофон. Третий обрядился в бикини, сшитое из грачиных гнезд. Кто-то грыз ртутные светильники, кто-то метался в оранжевом плаще от радиационных осадков и противогазе, кто-то размахивал гарпуном для подводной охоты, кто-то вдел в

ухо вагон монорельсовой дороги, кто-то распухшими лапами — от них отпадали синие гнойные струпья — держал части разодранного надвое греческого танкера, кто-то поливал толпу из тринадцатиствольного огнемета. Словом, жуть что творилось!

"Зачем все это? — думал Данилов. — Скоро ли все кончится?" Однако не кончалось. И только что приставшие к Данилову фантомы, и уцелевшие от прежних действий синкретические монстры, чьейности кто знает каких вещей, предметов и существ, долго буйствовали вокруг Данилова. Вакханалия их была теперь разнузданной и, по всей вероятности, трагической для них самих. Многие фигуры и гибли, исчезали в толчее и разбое, в бешеной давке неизвестно к чему стремившихся тел, оболочек, жидких и газообразных состояний. Данилов чувствовал, что действие безграничной толпы — не самодовлеющее, но имеет отношение к нему, однако он не был еще растоптан и не претерпел ни единой метаморфозы. Фигуры же толпы, уходившей, куда ни взгляни, в бесконечность, не только буйствовали, не только гибли в неизбежном движении (к чему? — может, к кожаному фартуку?), но и продолжали, сталкиваясь друг с другом, превращаться в новые и неожиданные образования. Лишь исторические персонажи, из суеверий и страхов, резких изменений не имели. Но и с ними происходили трансформации. Они то и дело словно бы обзаводились новыми

украшениями. Ртутные светильники меняли на кастрюли-скороварки, голубые очки — на собак китайской породы с вислыми ушами, греческие танкеры — на бульонные шарики. При этом в любые мгновения изменялись те или иные части тел разбушевавшихся существ. Распухали или уменьшались. То головы становились раз в сто больше нормальных, то животы вспучивались аэростатами воздушного заграждения, то ноги, или лапы, или хвосты русалок усыхали и казались крошечными, будто от ящериц. Но тут же прежние конечности возобновлялись, животы опадали, зато выскакивали глаза метров на десять вперед и вращались больными влажными шарами.

Во всё усиливающейся толчее Данилов стал различать видения как будто бы явно посторонние. То тут, то там словно на особых экранах возникали объемные картины-действия, и были в этих картинах сюжеты, одинаково неприятные Данилову. Вот ножом резали ребенка, и кровь стекала в ведро. Вот на поросшие лесом горы выехал казак на вороном коне; заснувший хлопец, младенец-паж, сидел за его спиной; казак швырнул в пропасть странного мертвеца, тут же костлявые пальцы желтых скелетов схватили мертвеца и стали душить его, и какой-то огромный почерневший скелет отчаянно старался прогрызться сквозь землю к мертвецу, но тщетно, и он страдал, мучился от своего бессилия, а горы тряслись и рушились хаты. Вот красивую женщину, совсем

юную, замуровывали в крепостную башню, она билась, пыталась уйти от гибели, но кирпич за кирпичом закрывал нишу, и серый раствор тут же схватывал швы кладки, лишь краешек красной юбки застыл между нижними рядами кирпича. Вот в зеленой ложбине падали мины, летели обрубки металла, кровавые куски мяса, живые еще люди куда-то бежали, кололи друг друга, серые дымовые кусты от снарядов и бомб стояли плотные, упругие, будто вечные, черный паук полз по холодной шее уткнувшегося лицом в траву ефрейтора. Вот штормовая волна смыла людей, дробивших камни за оградой. Вот чудом уцелевшее дерево умирало на черной гари.

И тут Данилов почувствовал приближение некоего нового поворота видений. Да и видений ли? Усилились резкие запахи, воняло паленым и злой химией.

Черное сменилось багровым, потом огненно-белым, стали взрываться и обрушиваться дальние вершины, не существовавшие прежде. Взрывы продолжались, ударные волны их должны были бы коснуться Данилова, отшвырнуть его неизвестно куда или уничтожить вовсе, Данилов и чувствовал порой сдвиги сферических волн, но висел на месте и не имел никаких повреждений. Толпу же диковинных существ и тварей эти взрывы, извержения, разломы горных хребтов, движения кипящей жидкости тревожили. Будто сбивали их в кастрюле с невидимыми или

несуществующими боками. Не хозяевами себе были энергичные существа и твари, они и раньше, видимо, управлялись или хотя бы подталкивались в своих толчеях и оргиях кем-то, а уж теперь их явно мотала, сбивала в кучу, месила жестокими пальцами-крюками холодная, злая по отношению к ним стихия. И снова произошли взрывы, были они сильнее прежних, ужасней прежних. Сейчас Данилова трясло. Он понял, догадавшись при этом, что мгновенное озарение подсказано ему, понял: сейчас произойдет катастрофа, случится крушение, сейчас — конец всему, что он видел, а может быть, и всему, в чем он существовал. Данилов зажмурил глаза. Но какой от этого прок! Данилов все видел и все чувствовал. Гибли, пропадали суетившиеся только что существа, твари и фантомы, вспухали фиолетовые волдыри, все мельчало и обращалось в прах, снова во взрывах и сполохах потекли перед Даниловым спирали, диски, скопления звезд и планет, движение их становилось все более тихим или сонным, все вокруг словно бы вмерзало в лед или становилось льдом. И Данилов, не ощущая холода, почувствовал себя ледяным и погибшим. Черное, неподвижное вобрало его в себя...

Потом он очнулся. Сколько — минут, веков? — он был неживым, он не знал. Находился он в пустоте. Слева как будто бы брезжил рассвет. "Что это там лежит?" — удивился Данилов. Впрочем, он ясно видел, что лежит. Там, где в

прошлом дыбилась толпа, пребывал в одиночестве кожаный фартук сапожника. Данилов захотел подойти или подплыть к нему, но ни единая мышца Данилова не дернулась, не вздрогнула. Фартук же тотчас подпрыгнул и исчез.

Попрежнему Данилов не слышал ни звука.

"По небрежности они забыли его убрать, — подумал Данилов, опять имея в виду фартук, — или все же оставляли со смыслом? Но какой смысл-то в этом фартуке? И во всем, что тут происходило или мерещилось мне?" Что он мог сказать себе в ответ? Ничего. Чудом приходилось считать то, что его существование еще продолжалось.

Он опять попытался собрать свою волю, снова начать счет земного времени, возродить в себе музыку, любую, какая вспомнилась бы теперь, и мыслить удобным для себя способом. Данилов напрягся, но тут же что-то подхватило его, завертело будто в воронке смерча, подняло ввысь, и он ощутил то, что старался избежать ощутить. Ощутил вечность. Ощущение было мгновенным и пронзительным. Данилов думал, что он поседел.

Воронка смерча быстро опала. Данилова кинуло вниз. Тогда Данилов услышал звуки. Звуки были металлические, чем-то стучали и скребли по железу.

И опять черное вобрало в себя Данилова и словно бы растворило его.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ПРИВИДЕНИЮ

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

22

Шеврикука отправился в получердачье, но Пэрста-Капсулы не обнаружил. Однако недавнее присутствие Пэрста под крышей Землескреба ощущалось. Разыскивать Пэрста-Капсулу Шеврикука не посчитал нужным, хотя кое-какие ответы получить от него было бы не лишним. Но, видимо, Пэрст сам знал, когда и что ему, Шеврикуке, сообщить или открыть. Хотелось бы так думать... Но можно было допустить и иное. Во всяком случае, позавчера Пэрст-Капсула посещал дом Тутомлиных, с какой целью - ведомо ему (а может, и кому-то другому). Он то и дело оказывался рядом с ним, Шеврикукой, и сопровождал его (или конвоировал!) домой, в Землескреб.

Мельтешили и суетились в нижних палатах прохвост Продольный и двое его приятелей-домовых из Останкина, одной породы с ним. Был там и так называемый дядя, бритоголовый боевик, Любохват. А может, только делали вид, что мельтешили? Дядя же чаще выглядел злым, властно-солидным и озабоченным. Какие заботы привели его на Покровку? Вряд ли интерес к его, Шеврикуке, личности. Хотя и такой интерес следует держать в уме. Не Продольный ли выкрикивал: "Бочонок Полуботка! Бочонок Полуботка!" Но как останкинские мелкие пройдохи (исключим Любохвата) вообще посмели суетиться в чужих пределах, как допустили это, не пресекли и не наказали? (Своему присутствию на Покровке Шеврикука как бы и не удивлялся, полагая, что тут случай особый, его собственный, но ведь и его, в конце концов, пытались обуздать и пресечь.) Или Любохват имел городские полномочия, а останкинские пройдохи были приданы ему подручными? А зоркие сычи из Темного Угла, проявлявшиеся в нижних палатах, они что --- были сами по себе, по собственной охоте и страсти? Или по чьему-то приватному заказу, при наличных платежах за услуги? Или тоже были посланы в придачу Любохвату? А может, они наблюдали за определенной им (ими) персоной, прихватывая в обзоры своего бдения любые особы, --- скажем, и его, Шеврикуку?

Ну и пусть! Ну и их сычиное, темное дело!

Ответы на все имеются. А коли они есть, их следует добыть. Не все они будут полезны, не все вразумительны, иные его удивят, расстроят и ослабят. А иные и ужаснут. Ну что же, он сам выбрал себе развлечение.

И уж совершенно необходимо было уяснить, кто старался навести на него дурман или воздействовать (применяя слова просвещенных специалистов) — психотронным оружием, с какой опять же целью --- поугагать, предостеречь либо произвести над ним увлекательный опыт? Либо вовсе уничтожить в нем сознание? Шеврикука не слишком надеялся выяснить это сразу, но к новым атакам и опытам он был обязан готовиться.

Один ли был на Покровке (орудовал, наблюдал, интересовался, исследовал и пр.) Бордюр или с командой? И отчего они из своего наднаучия не могли обойтись для приобретения сведений приборами, датчиками, или что там у них имеется? Неужели и у них есть потребность в личном участии? И их тянет поглядеть, послушать, а может, и дотронуться до чего-то?

Леночку Клементьеву, узнал теперь Шеврикука, готовили к выходу не день и не два. А прежде долго уговаривали. Перед смотрящими последовали запросы о привидении - какого века, какого пола, каких кровей, летает или парит, какова стартовая стоимость, нуждается ли в кормлении и т. д. Некоторые давали понять, что свой интерес к зданию связывают в первую очередь с ценностью привидения. Поначалу

Дударев легкомысленно отнесся к подобного рода любителям. Но Кубаринов был категоричен "Вы бросьте эти свои либеральные замашки! Привидение должно быть! Договоритесь с ним!" Дударев пожал плечами и решил полпрефекту не противоречить. Он выезжал на переговоры с привидением, причем обращался к нему (к ней) в разных комнатах, залах, коридорах и даже на лестницах, в дневные и вечерние часы. Ответов не слышал, --- впрочем, он и не рассчитывал их услышать. Он полагал, что Кубаринов забудет о своей блажи, а если вразумленное им привидение вдруг явится на смотринах, он, Дударев, заявит Кубаринову: "Вот, пожалуйста. Переговоры были трудными, но успешными". И потребует отдельный гонорар. Кубаринов же не только не забыл о своей блажи, но и при утряске протокола церемонии распорядился выход привидения держать особым номером культурной программы. Тогда Дударев и вспомнил о Леночке Клементьевой. Она чахла по Митеньке Мельникову, этому дурошлепу. А значит, была чахлая. Привидение прежде всего должно покорять чахлостью, полагал Дударев, и, как оказалось, ошибался. Конечно, он мог бы нанять какую-нибудь удручающего вида артистку миманса, привыкшую скучать вблизи Жизели, или же, в расчетах сэкономить, мадемуазель из мосфильмовской массовки с нервической натурой. То есть тех, кто знал ремесло и был бы рад зрителям. Но все чужие - болтуны, особенно если им недоплатят.

Уговаривать Леночку пришлось долго, но уговорили. С ней занимались, ей подбирали наряды не только в театральных костюмерных, но и в запаснике Новоиерусалимского музея, и всё шло вроде бы хорошо. Невинная пастушка, соблазненная барином — вот кем становилась Леночка Клементьева. Рассеянный гений, кандидат наук Мельников, под дулом дударевской воли вынужденный мудрить в нижних палатах со звуком и светом, и тот иногда, будто просыпаясь, удивленно смотрел на Леночку, видел ее в васильковом поле, и свирель из орешины пела рядом. Дудареву же она казалась фарфоровым изделием, и он отчасти был недоволен: по нему, какие-либо выпуклости, округлости и вообще определенности форм для привидения были лишними, в идеале ему следовало быть чахло-плоско-размытым; ну да ладно, утешал себя Дударев, темноту произведем погуще. Леночка маялась, куксилась, капризничала, заявляла, что ей противно ломать комедию. Но вызвавшаяся быть при ней Совокупеева ставила Леночку на место. "А ну-ка к зеркалу! И поправляй ресницы!" - говорила ей Совокупеева Александра Ильинична, она же Саша, она же Сашенька, она же в дальнейшем Александрин. Дударев был экономист, и Совокупеева была экономист. А Клементьева - музыковед, и в Департаменте Шмелей, в музыкальном управлении, занималась (в закрытой теме, ну и тем более) биомузыкой, вела и стрекоз, а потому

Дударев считал ее натурой артистической, способной при случае лицедействовать и порхать. И вот он ошибся. В звездную минуту выхода Леночка, уже убранный, загримированная, надушенная печалью умирающих камелий, разревелась и отказалась являться. Тогда-то Дударев и бегал от рассерженного Кубаринова в походную гримерную с угрозами и уговорами. Пытались Леночку просто вытолкать, но она оказалась такой мускулистой и цепкой, что и Совокупеева не смогла справиться с ней. "Да что же это! - недоумевала Совокупеева. - А-а! Где наша не пропадала! Сарынь на кичку!" Она моментально сбросила с себя одежды, какие могли бы вызвать недоумения гостей, приказала ассистентам из инфизкультуровских птенцов затянуть на ней корсет, добытый для Леночки, что они и произвели с удовольствием и хрустом ("Кости-то не ломайте, гвардейцы!"), выбрала что-то из разбросанных там и тут тряпок, примяла свои роскошные волосы париком и шишаком Минервы, не удержалась, мазнула себя у зеркала красками и помадой... — ей бы тогда - с гиканьем, да на спине лошади, да на манеж цирка, --- но пришлось присмиреть и притихнуть, но страдалицей не стала, а поплыла павой...

Александрин... Некоторые были довольны. Полпрефекта Кубаринов был чрезвычайно доволен. Этакie ананасы да в его саду. Он служил в бывшем Департаменте Шмелей

наверху, среди шмелей самых мохнатых, видел Совокупееву в президиумах, но в привидении ее не признал. Да и сам он был уже не тот, что в Шмелях. Кубаринов и Гликерию с Дуняшей посчитал произросшими в его саду. Дударев тоже был, конечно, доволен. Правда, появление местных, не столь обязательных уже привидений его вначале смутило. "Вылезли бы вовремя и нас бы не томили". Когда же случилось приключение со вспышкой страстей, смысл которого мало кем был правильно истолкован, Дударев возрадовался. Ну пусть кого-то искалечили, ну пусть кому-то морду побили (и Дударева помяли), и пусть, без этого в Москве нельзя. Старались не зря, не зря накрывали столы, не зря тормозили живописцев, не зря добывали минометный расчет — впечатление произведено! Произведено!

А с привидениями и вообще делу даден неожиданный ход. Дударев уже сообразил, что сейчас долговременное городить нет смысла, а надо всё соображать на ходу. Теперь он охотно разговаривал с репортерами и рекламными дельцами, и получалось, что три явленных привидения с его предприятием связаны контрактами. Есть и другие. У каждой из трех дам - своя судьба, свои коммерческие интересы, и они не разыгрывали интермедию, а стихийно проявили страсти трудового соперничества, по-старому - соревнования. Но их проблемы будут улажены. Так Дударев просвещал. Иногда

задумывался: а вдруг эти две чужие бабы - не местные привидения, а бывшие сотрудницы какого-нибудь бывшего Департамента. Скажем, Департамента Дорожных Краж. Тогда дело будет сложнее. Но впрочем, пока мысли Дударева о привидениях были не самые важные...

А ведь Бордюр обещал, что более никогда вблизи меня не возникнет, вспомнилось Шеврикуке. Но взял и возник. И именно в той, поднебесной, а-ля бордюковской оболочке. В беседе с доверительными якобы интонациями Бордюр уверял, что Шеврикука и останкинские домовые находятся вне его задач и проблем, не известно каких, деловых ли, ученых ли, сыскных ли, или лабораторных, они ему даже не сбоку припека. Что ж, Бордюр, выходит, специалист по привидениям? Или его занимает совсем иное? Ладно... Важно было, что Бордюр появился в доме на Покровке и дал себя увидеть.

Не все прояснилось Шеврикуке в действиях (или в бездействиях) покровского домового Пелагеича и изверга Бушмелева. Оставалось ждать проявлений их натур. И не терпелось Шеврикуке посетить лыжную базу.

Шагая тротуаром вдоль Землескреба в направлении Останкинского парка, Шеврикука вспомнил, что в тетрадях и на отдельных листках Петра Арсеньевича выписки из тех или иных текстов сопровождались указаниями на библиотеки исчезнувшие - Я. В. Брюса, М. С. Лопухина и вот на библиотеку Тутомлиных и

фонд С. Н. Тутомлина. Не в лабиринте ли, известном теперь Шеврикуке, делал выписки Петр Арсеньевич? Не служил ли он вообще в какие-либо годы в усадьбе Тутомлиных, если не в главном доме, то хотя бы во флигелях или дворовых корпусах? И видел он, Шеврикука, записи Петра Арсеньевича о Всемирной Свече. Изучать их, правда, не стал. Не забрать ли сейчас у Радлугиных портфель Петра Арсеньевича? Нет. Не надо, решил Шеврикука, нет времени, и далась тебе эта Всемирная Свеча!

- Игорь Константинович, погодите, - окликнули Шеврикуку.

Шеврикука поморщился, остановился. Нет, не Радлугин окликал его. Дударев.

Дударев, случилось, катался по двору и по Останкину на харьковском дорожном велосипеде. Порой даже озорничал с мальчишками и гонял колесом резиновые мячи. Теперь же он выглядывал из окна сиреневого "Запорожца" с номерным знаком, предположил Шеврикука, малого предприятия.

- Игорь Константинович, вам случайно наш Сергей Андреевич, Крейсер Грозный, не встречался?

- Сегодня нет.

- Вот стервец! И японец с ним пропал. Как бы они не загуляли! И Совокупееву вы не видели?

- Я ее давно не видел, - соврал Шеврикука. - Последний раз я ее видел, когда вы оплакивали Департамент Шмелей. Последний раз и первый. Я тогда с ней и познакомился.

- Вот и надейся на людей!

- У меня создалось впечатление... не так давно...
- осторожно сказал Шеврикука, - что Сергей Андреевич вышел из вашего дела. После того как вы решили произвести его в сторожа с колотушкой.

- Вышел, вошел! - сказал Дударев. - Вчера вышел, сегодня снова вошел! Он с утра обещал связать меня с привидениями.

- С какими привидениями? - удивился Шеврикука.

- С какими! С теми! С двумя! С чужими. И пропал, стервец, с японцем! - Дударев негодовал уже громко. - Уверял, стервец, что на Покровке все привидения - его подруги!

- Я вас не понимаю, - сказал Шеврикука.

- Вы что, газеты, что ли, не читаете? И телевизор не смотрите? Два дня назад на Покровке...

- Я читал, - сказал Шеврикука. - Но в газетах мало ли что пишут. Зачем вы так шумите и волнуетесь?

Дударев быстро снял черные очки, посмотрел по сторонам.

- Да-да, вы правы, - Дударев заговорил почти шепотом, а Шеврикука стоял уже в двух метрах от "Запорожца". - Всюду социальные и экономические завистники! Но Митенька

Мельников скоро обезопасит нас от всех ушей, глаз и нюхающих носов. А вы наш. Вы же наш! Сколько я вам обещал платить в последний раз?

- Тысячи две с половиной.

- А сколько я положил вам при первом разговоре в Останкинском парке?

- Пятьсот пятьдесят.

- Вот. Пятьсот пятьдесят, - Дударев был доволен. - Потом две с половиной. А теперь я вам кладу шесть тысяч в месяц. И это ведь вы будете у меня по совместительству?

- По совместительству, - кивнул Шеврикука.

- Чувствуете, как растет ваше благосостояние? Не растет, а скачет!

- Чувствую, - согласился Шеврикука. - Не благосостояние, а Сергей Бубка.

- Я понимаю вашу иронию, - добродушно сказал Дударев. - Но скоро пойдут работы, и мы будем вам платить.

- Появится дом, где потребуются перестилать пол?

- Должен появиться, - произнес со значением Дударев. - Должен. Но в Москве сейчас с этим трудно.

- И всегда было нелегко. Хотя случались и чудеса. На моей памяти один шутник вычихал дом.

- Как это? - заинтересовался Дударев.

- У князя Хованского, Григория Александровича, того самого, что написал: "Я вечор в лугах гуляла, грусть хотела разогнать", - был любимый шут Савельич, большой ловкач и

забавник. Этот Савельич на спор вычихал у одного вельможи дом. Обязан был чихнуть на каждой из ста двадцати ступеней парадной лестницы. Чихнул.

- Когда это было? - спросил Дударев.

- При Карамзине. Хованский был приятелем Карамзина.

- Вы сказали: "На моей памяти"...

- Я так сказал? - смутился Шеврикука - На моей читательской памяти, видимо. Я начитанный. Время образуется для безделья. Вот Михаила Ивановича Пыляева недавно читал.

- И я Пыляева недавно читал. Надо было. - Дударев задумался, он молча губами шевелил, положив руки на руль, может, что-то и подсчитывал. Сказал:

- Нет, это нынче не пройдет. Чихание не для нас. Хотя...

- А покровский дом кому достанется? Если не секрет.

- Секрет! Секрет! Но не для вас! Тут есть варианты. Есть! И очень заманчивые!

- Вот вы снова и в воодушевлении, - улыбнулся Шеврикука. - А то совсем недавно поминали в сердцах агонию, всеобщую околесицу и жуть, отвергали возможность родовых схваток...

- Были причины, были! - резко сказал Дударев. - Я говорил тогда с вами про мельниковскую лабораторию. О ней - молчок! Это слишком серьезно.

- Я молчу. Я понимаю, - заверил Дударева Шеврикука, полагая при этом, что Дударев

прокричал о разгроме лаборатории если не сотне, то уж по крайней мере десяткам человек.

- Вот я к чему пришел, - объяснил Дударев. - Мы отринули все это наше планов громадье. А сами цепляемся за него. Не можем отвыкнуть. Я понял. Нынче нельзя затевать что-либо долговременное. Надо все соображать на ходу. Все менять и выстраивать на ходу! На лету! Кто этого не поймет, тот погибнет! Можно было бы еще три дня назад предположить, какой интерес вызовут привидения? Где этот стервец Грозный? С японцем к тому же! А в нашем доме, как вы считаете, Игорь Константинович, есть привидения?

- Привидения... - растерялся Шеврикука.

- Вы ведь в нашем доме живете? - Некое сомнение прозвучало в вопросе Дударева.

- Да, в Землескребе, - сказал Шеврикука.

- Здесь ведь столько людей понабито... Всех не узнаешь и за сто лет. А привидению-то у нас проползти негде. Или не так?

- Утверждают, что одно завелось. В том самом подъезде, где обитает Митя Мельников.

- Откуда?

- Там один чиновник накушался снотворного. Как раз над квартирой Мельникова. Фруктов по фамилии. Его затравили в пору оздоровительной кампании. Говорят, стал являться.

- Вы точно знаете?

- Я его не наблюдал. Но утверждают. Вот Сергей Андреевич, Крейсер Грозный, и утверждает.

- Ну-у! Это враль! - поморщился Дударев.
- Враль, - согласился Шеврикука. - Враль-то он враль, однако змей-анаконда живет в Останкине. И вы его разыскиваете в надежде с его помощью войти в желанное вами общение.

- Возможно, вы правы, - задумался Дударев. - А коли что узнаете об этом Фруктове, непременно сообщите нам.

- Дались вам эти привидения! - раздраженно сказал Шеврикука. - Нашли на кого ставить! На весь этот хлам - привидения, призраки! Вот уж где точно симптомы агонии. Впрочем, нет. Когда соображают на ходу, проглатывают на ходу невесть что, случается не агония и не родовые схватки, а хроническое расстройство желудка.

Но Дударев его не слушал. Из кармана пиджака он достал карточку, схожую с визитной, но размером с открытку, и рассматривал ее. Шеврикука почувствовал, что Дударев намерен о чем-то спросить его, но колеблется, стоит ли.

- Вы в каком подъезде живете?

- В том... - неопределенно указал рукой Шеврикука.

- Понятно, - сказал Дударев. - Вам сегодня в почтовый ящик ничего лишнего не бросали?

- А что именно? - спросил Шеврикука.

- Да всякую дрянь бросают! То посоветуют немедленно разослать в двадцать адресов требование купить букет Алле Пугачевой. То этот наш землескребный деятель... как его... Радлугин, что ли... озадачит анкетой по поводу Затмения. Сегодня сунули какую-то странность.

- Я ничего не получал.
- А в вашем подъезде кто-нибудь?
- Не знаю. Не слышал. В нашем подъезде никто.
- Странно, - сказал Дударев и, решившись, протянул Шеврикуке карточку. - Вот поглядите.

Карточка была лакированная, с золотым тиснением, Золотые буквы бежали по ней резво, цепляясь друг за друга лапами и хвостами, ватагами обезьян. В четырех местах росчерки выскакивали вверх и вбок особо длинными и изящными хвостами. Золотом обращались: "Товарищу Дудареву О. С.!" Далее следовали слова знакомые и малоинтересные: "Быстро! Безопасно! Блестящий эффект! Уничтожаем бытовых насекомых, не нарушая уюта вашего дома!", и Шеврикука вернул бы карточку, если бы не скосил глаза на подпись: "Отродье Б. 8783 - 4. Б. Ш. (Фл. Ш.)". Он перечитал золотые слова: "Если подружитесь с привидениями, не жадничайте, свяжитесь с нами, не считите за труд, иначе не отвечаем за уют дома. В любой день с 6 до 19 часов по телефону..." Номер был, но его замазали черным. Шеврикука перевернул карточку. И на обороте зачерненные цифры не проступили. Шеврикука пожал плечами, вернул карточку.

- Не знаю, что и сказать. Шутят. Резвятся. Бумага есть. Краски есть. Некуда девать.
- Странно, - пробормотал Дударев. - И главное - товарищу...
- Ни у кого более не видел, - сказал Шеврикука.
- Что вы слышали про Отродья?

- Так. Останкинская болтовня.
- Вы сталкивались с ними?
- Нет. Их нет.
- Они есть, - убежденно сказал Дударев.
- Если номер телефона проступит, вы позвоните?
- Нет, - покачал головой Дударев.
- И правильно. Это какие-нибудь богатые шутники озоруют.
- Не уверен, - сказал Дударев. - Но мы и сами с усами. Где же этот стервец Крейсер Грозный? Так вы, Игорь Константинович, если что узнаете про тень Фруктова, дайте знать.
- Теперь вы прямо как Отродье Б. Ш.! Что вы носитесь со всякими этими привидениями, с чепухой этой, досадно даже! - опять не выдержал Шеврикука.
- Вам-то что досадовать! Вот скоро получим дом, надеюсь, без насморков и чиханий, и для вас там будет пол. А увидите Грозного, передайте ему все, что я о нем думаю.
- И сиреневый "Запорожец" малого предприятия укатил.
- У меня у самого дела! - бросил ему вдогонку Шеврикука.

(продолжение предполагается)

ЛЮБКА

1933

Посредине лета
высыхают губы...
Отойдём в сторонку,
сядем на диван.
Вспомним, погорюем,
сядем, моя Люба,
сядем, посмеёмся,
Люба Фейгельман!

Гражданин Вертинский
вертится. Спокойно
девочки танцуют
английский фокстрот...
Я не понимаю,
что это такое,
как это такое
за сердце берёт?

**Вспомним, дорогая,
осень или зиму,
синие вагоны,
ветер в сентябре,
как мы целовались,
проезжая мимо,
что мы говорили
на твоём дворе.**

**А в кафе на Трубной
золотые трубы,
только мы входили,
обращались к нам:
«Здравствуйте,
пожалуйста,
заходите, Люба,
оставайтесь с нами,
Люба Фейгельман!»**

**Ночи до рассвета,
до моих трамваев...
Что это случилось?
Как это поймёшь?**

**Почему сегодня
Ты стоишь другая?
Почему с другими
ходишь и поёшь?**

**Вспомни, как с тобою
выбрали обои,
 меховую шубу,
 кожаный диван...
До свиданья, Люба...
До свиданья, что ли?
Всё ты потопила,
Любка Фейгельман.**

**Скоро я уеду,
поступлю учиться,
выправлю костюмы,
стану кофе пить...
На другой девчонке
я смогу жениться,
только ту девчонку
так мне не любить...**

Цитата номера!

**Поближе
узнаешь —
подальше
пошлѐшь...**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

—◆—
№ 38
—◆—

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 108 экранным страницам формата А4 шрифтом Arial 20 полужирным. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) можно бесплатно получить на [E-mail: eugenelev@fromru.com](mailto:eugenelev@fromru.com) (пароль — [academia](#)).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы.

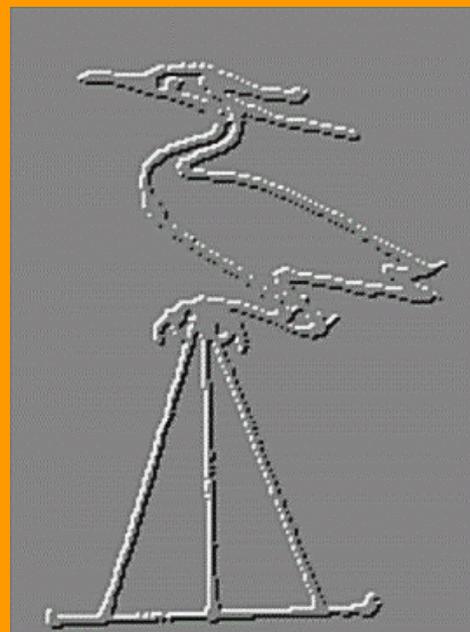
Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — academia)

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога